

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Анна Савельева
СЛИШКОМ БОРЗАЯ!

Алина Савельева
Слишком борзая

«Автор»

2022

Савельева А.

Слишком борзая / А. Савельева — «Автор», 2022

Я ей предлагаю свободные отношения — она мне дуло к виску. Каждую свободную минуту трачу на неё — она мне душу в клочья. Я несу ей весь мир к ногам — она мне сердце вдребезги. Зараза! Ведьма! С ума меня сводит! Всю жизнь перевернула! Дерзкая, своенравная, неуправляемая! Ты подчинишься мне, Борзова! #Сильные чувства#ХЭ

Содержание

Предыстория	6
Глава 1. Тимур	9
Глава 2 Милена	17
Глава 3 Тимур	24
Глава	29
Глава 5 Тимур	35
Глава 6 Милена	44
Глава 7. Тимур	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Алина Савельева

Слишком борзая

Дорогие друзья!

Рада приветствовать вас в новом романе!

Для того чтобы погрузиться в эту историю с самого начала, нам нужно вернуться на двадцать лет назад, в тот день, когда жизнь маленького Тимура Царева сделала резкий поворот, что повлекло за собой череду событий, приведших его к эпичной встрече с Миленой Борзовой.

Предыстория

Москва. Малая Ордынка. Дом Царева Льва Борисовича и его супруги Елизаветы Анатольевны

Жильцы элитного дома в самом сердце столицы и не подозревали, насколько спокойно они жили до появления новых соседей. С тех пор как в старинный особняк на Малой Ордынке въехала молодая семья Царевых, тихая и размеренная жизнь взорвалась чередой шумных вечеринок, поражающих своим размахом всю округу.

Лев и Лиза были типичными представителями избалованных отпрысков богатых и влиятельных людей. Оба привыкли к беззаботной жизни, веселому кутежу и совершенно не собирались себя ни в чем ограничивать. Ни вступление в брак, ни рождение сына не заставило Льва и Лизу отказаться от привычной разгульной жизни. Чета Царевых была одной из самых гостеприимных пар, они не скупились и жили напоказ.

Но рано или поздно всему приходит конец. Так случилось и с этой веселой супружеской парой, которая в последнее время абсолютно забыла об осторожности и приглашала в дом новых знакомых, о которых мало что знала.

Звонок на пульт дежурного оператора поступил в начале шестого утра.

– Вы можете приехать? – пропищал голос, едва оператор ответил на звонок.

Голос в трубке показался дежурному намеренно измененным, как делают недоумки пранкеры, клепающая ролики для своих каналов. Посчитав, что звонит какая-то безмозглая девчонка, Виктор откинулся на спинку кресла, решив не беспокоить службы, пока не убедится в том, что вызов не ложный.

– Вам нужна скорая, полиция или пожарные? – сонно пробормотал в трубку Виктор, не спеша внести звонок в базу.

– Помогите моей маме, пожалуйста, она не дышит, – тихо попросил тонкий голосок, срывающийся на всхлипы.

– Назовите ваш адрес, – следуя инструкции, задал вопрос оператор.

– Я не знаю, мы недавно переехал... Моя мама лежит в луже крови, и я не знаю, где мой папа. Мне очень страшно, – взволнованно произнес звонивший.

Виктор тяжело вздохнул, запуская программу отслеживания звонка.

– Назовите ваше имя.

– Тимур, – ошарашил Виктора ответ звонившего.

Сонливое состояние моментально покинуло дежурного, как только он понял, что звонит ребенок. Виски невыносимо сдавило, пульс подскочил и чувство тревоги медленно начало разползаться, заполняя голову устрашающими мыслями.

– Сколько тебе лет? – чувствуя, как бежит по спине холодок, продолжил расспрашивать Виктор, одновременно быстро стуча по клавиатуре, внося информацию в компьютер.

– Пять с половиной, – с присущим всем детям желанием казаться старше, с готовностью ответил Тимур.

– Ты должен оставаться со мной на связи и быть сильным, хорошо? – как положено операторам, сухо и твердо произнес Виктор.

– Хорошо, а вы скоро приедете? – не покидали голосок ребенка умоляющие нотки.

– Да, очень скоро, не волнуйся, Тимур. Где находится твоя мама? В спальне, на кухне, в гостиной?

– Она в гостиной около дивана на полу.

– В доме еще кто-то есть?

– Нет, все ушли. Они ругались с мамой и папой, когда я проснулся, а потом ушли.

Холодок, охвативший затылок Виктора, причинял уже физическую боль по мере того, как Тимур рассказывал, что видел.

По словам мальчишки, накануне у них в доме были гости. Потом он ушел спать в свою комнату. Разбудили его громкие крики и шум внизу. Тихо скользнув на лестницу, мальчик сел на верхние ступени и, прижавшись лицом к балясинам, смотрел на скандал внизу. Он побоялся, что мама будет ругаться на него за то, что он не в своей комнате, поэтому сидел тихо до того момента, как посторонние мужчины не ушли.

Наступившая гробовая тишина еще больше напугала мальчишку, и он всё же спустился в гостиную, где и обнаружил свою маму в луже крови на полу. Не сумев разбудить её, он взял свой игровой планшет и набрал единственный доступный с него номер – экстренный вызов службы спасения.

– Тимур, сейчас в доме есть посторонние? – уточнил Виктор, начиная сильно переживать за безопасность мальчика.

– Я думаю, они в гараже... я не вижу их, только слышу, – неуверенно ответил Тимур.

– Тимур, сейчас ты должен пойти в ванную и закрыться там, сможешь?

Скорая помощь уже была рядом с домом Царевых, однако они не могли войти раньше, чем прибудет полиция. Виктор никак не мог найти свободный экипаж и едва уже держал себя в руках, опасаясь за жизнь мальчишки.

Тимур не ответил, и Виктор слышал лишь звуки, похожие на тихое шуршание газет и скрип разошедшейся древесины.

– Тимур? – ещё раз позвал Виктор.

– Я спрятался в своей комнате. Они в доме, их трое, – прошептал Тимур едва слышно.

Речь мальчика была неразборчивой, и Виктор едва улавливал суть, прижимая наушники к ушам до хруста.

– Тимур, я делаю все возможное, чтобы помощь приехала быстрее, но ты должен держаться. И ты должен быть очень тихим. Не клади трубку, оставайся на связи со мной. И ничего не говори, если кто-то войдет в твою комнату, хорошо?

– Они за моей дверью, пожалуйста, приезжайте быстрее, – прошептал Тимур.

– Ты слышишь их за дверью?

– Да... – едва различимо произнес Тимур.

В ту же секунду Виктор услышал звуки выстрелов и шум ломающейся двери. Тимур не проронил больше ни звука, прячась в своем шкафу. Однако там его практически сразу обнаружил один из злоумышленников.

– Не трогайте меня! – едва не разорвал перепонки полный страха и отчаяния голос Тимура, и это было последнее, что услышал Виктор от мальчика.

Виктор оцепенел в ужасе. Он не смог. Не смог помочь этому ребенку.

Громкий детский крик резко оборвался, и Виктор непонимающе уставился на мутный экран компьютера, не осознавая, что его глаза наполнились слезами.

Прибывшая на место полиция была шокирована представившейся картиной.

От праздничного антуража остались только мигающие лампочки гирлянд. Мебель вокруг была перевернута, вещи разбросаны.

Лиза была убита выстрелом в голову, но перед смертью получила еще несколько ранений. Льва нашли в гараже, и характер его травм говорил о том, что мужчину пытали, прежде чем убить. Из дома были украдены все драгоценности Лизы и другие ценные вещи, сейф был пуст.

Страшное место преступления еще долго осматривали криминалисты. Огромное количество следов и отпечатков пальцев затрудняло работу. Но самым жутким и берущим за душу каждого были кровавые следы маленьких пятючек Тимура, который, видимо, пытался разбудить маму.

Осмотрев весь дом и прилегающую территорию, полиция не смогла найти звонившего в службу спасения мальчика. Тимур бесследно исчез, и вопреки всеобщему мнению, что вскоре похитители появятся с требованием выкупа, этого не случилось.

Родители молодой супружеской пары были убиты горем. Но ни их связи, ни деньги не помогли найти хоть какую-то ниточку, которая вывела бы их на местонахождение внука.

Дед со стороны отца, Борис Иннокентьевич, никогда не прекращал поиски внука, но удача улыбнулась ему только спустя долгих двадцать лет.

Глава 1. Тимур

– Итак, страхование твоей жизни ты хочешь увеличить до миллиона фунтов, а бенефициаром будет твоя невеста Холли. Все верно? – пристально посмотрел на меня адвокат и по совместительству друг моего приемного отца Джонатан Рамзи.

– Да, всё так, – улыбнулся я, повернувшись к Холли и мягко сжав ее изящную ладонь.

– Окей, – бесцветным голосом ответил Джонни и опустил негодующий взгляд в бумаги.

– Отлично, а когда будут готовы документы? – спросила Холли.

И вроде не было ничего странного в ее вопросе, если бы в этот момент она не теребила нервно тонкий ремешок своей дамской сумочки и её глаза не сияли алчным блеском. Редкий, но жирный минус в её актерской игре.

Джонни занудно начал пояснять о сроках и процедурах, а я внимательно следил за той, что женщиной, которая мечтает увидеть как в моих глазах угаснет жизнь.

– Тим, задержись на пару минут, – остановил меня Джонатан, едва я открыл дверь его кабинета, пропуская Холли вперед, когда мы закончили и собирались уходить.

– Выпей что-нибудь в баре внизу, милая, я скоро спущусь, – сказал я своей невесте, мазнул взглядом по роскошному колючку и затем по мечущимся в панике глазам.

По большей части не интересующаяся моей жизнью, будь то радость или печаль, в вопросе страхования Холли не хочет терять контроль.

Недовольно поджав губы, Холли всё же не посмела возразить и, громко отбивая ритм квадратными каблуками, удалилась грызть маникюр в ожидании новостей.

Джонатан к моменту моего возвращения на кресло посетителя успел растрепать галстук и накапать себе в стакан чего-то успокоительного.

– Ты в своём уме, Тимми? Знаешь, каков процент бытовых убийств сопровождается мотивом получения страховой выплаты? Почти семьдесят! И это только раскрытых!

– Наслышан, – не собиравшись я присоединиться к панике законника.

– Тогда зачем ты идешь у нее на поводу, словно безмозглый мальчишка?

Далее Джонни понесло в примеры из его практики, где супруги мочат друг друга и за меньшие выплаты по страховке, а я лишь горько усмехнулся – даже если Холли действительно хочет меня улюлюкать ради денег... то не она первая, не она последняя.

– У меня все под контролем, Джонни, тебе не о чем волноваться, – без тени иронии ответил я старому во всех смыслах другу. – Сделай, как она хочет.

Не дожидаясь ответа Джонни, я направился следом за Холли, по пути размышляя о людях, с которыми меня сводила по жизни судьба. С того возраста, что я себя помню – лет с семи – обман и предательство близких людей для меня как норма жизни. Неотъемлемая часть.

Воспоминания унесли меня из туманного Лондона в жаркие объятия Эмиратов – страну, которую я помнил первой в своей жизни. Но всегда чувствовал, что я там чужой.

Дубай – город из восточных сказок, стремительно выросший на песках, будто по волшебству. Трудно поверить, что еще пятьдесят лет назад на месте крупного ультрасовременного мегаполиса было маленькое поселение ловцов жемчуга. Выбеленные лачуги бедняков, караваны верблюдов и ветхие рыбацкие лодки. Сейчас это город будущего с роскошной архитектурой и инфраструктурой.

Именно отсюда мои первые воспоминания из детства. Первые мои приемные родители были иммигрантами из России и на взгляд со стороны, казалось, хорошо заботились обо мне и об остальных своих детях. Мы учились в престижной английской школе, а в оставшееся дневное время водитель и няня развозили нас по различным секциям. Мое расписание было забито под завязку.

Свою приемную маму я любил, несмотря на ее строгость ко мне, выше, чем к родным детям. Даже перестал задавать вопросы о своих биологических родителях, потому что эти вопросы её огорчали и порой очень сильно злили. Нередко она наказывала меня физически, но я не жаловался, искренне думая, что это происходит в каждой семье.

Но все изменилось в тот день, когда родной брат моей приемной мамы, Антон, увез меня в соседний эмират – Шарджа, где почти три недели не выпускал из грузового контейнера.

То, что Антон был слабоумным, я знал еще со слов приемных родителей, не скупящихся в оскорблениях в его сторону. Их презрительное и потребительское отношение сквозило в каждом слове, но Антон, казалось, никогда не обижался на них.

На момент похищения мне было уже тринадцать, и я решил, что это такая своеобразная месть моим приемным родителям за все нанесенные обиды.

Но, как бы шокирующе это ни звучало, жизнь в контейнере понравилась мне гораздо больше, чем в дорогих апартаментах модного комплекса. Антон кормил меня гамбургерами, чипсами и прочей дрянью, что так любят подростки. Целыми днями мы играли в видеоигры и смотрели сериалы. Но, разумеется, мне многого не хватало. Не только простых бытовых радостей типа нормального санузла, но и общения с моими друзьями и членами приемной семьи.

Сидя взаперти, я, конечно же, не знал какую бурную деятельность развила приемная мать. Как оказалось, моё исчезновение было широко освещено в СМИ. Приемные родители давали интервью, где слезно призывали похитителя вернуть любимого сына домой. Однако больше всего они просили людей помочь финансово, создав фонд, в который все желающие помочь с поисками перечисляли средства. Средства, как утверждали родители, были направлены на организацию дорогостоящих поисков, включая оплату вертолетов, спасателей и кинологов и прочих служб.

Казалось бы, зачем семье, где у главы с виду успешный бизнес, нужна такая помощь? Именно этим вопросом и озадачилась полиция, вскоре узнав о банкротстве и больших долгах фирмы, ему принадлежащей. Этого хватило, чтобы заподозрить моих приемных родителей в том, что они знают гораздо больше, чем говорят, и имеют непосредственное отношение к моему исчезновению.

День, когда меня нашли сотрудники полиции, запомнился двумя кадрами. Первый, когда Антона арестовали и он лежал на земле со скованными за спиной руками. Он был растерян и совсем не сопротивлялся, то и дело ища меня взглядом, будто извиняясь. Тогда я осознал, что он был единственным из всей этой семейки, кто отнесся ко мне с добротой. И второй кадр был еще безрадостней – когда меня вернули в семью и приемная мать, обнимая меня, издавала звуки рыданий. Вот только глаза ее были сухими и злыми.

Разыгрывать представление перед телекамерами моим приемным родителям долго не пришлось. Их арестовали прямо перед толпой журналистов и предъявили обвинения по нескольким пунктам, включая мошеннические действия.

Предательство второй моей семьи сильно повлияло на меня, я с трудом пережил, лишь чудом не слетев с катушек. Это чудо звали Синди и Уильям* Норфолк – моя вторая приемная семья. Именно они вовремя забрали меня и окружили, на тот момент гадкого и бунтующего подростка, теплом и любовью, сумев терпеливо выдержать все заскоки моего переходного возраста, осложненного чередой психологических травм.

Из воспоминаний моего прошлого пришлось возвращаться, когда я спустился в бар за своей невестой. Холли очень красива, даже слишком. Мимо ее белокурых волос и больших карих глаз пройти невозможно. В любом месте на неё сразу обращают внимание мужчины, и Холли умело пользуется своей привлекательностью. Вот и я попался в ловко расставленные сети роковой женщины.

– Всё в порядке? – нарочито спокойно спросила Холли.

– Конечно, милая, – с самой искренней улыбкой заверил я свою женщину.

По дороге к дому Уильяма и Синди Холли не умолкая болтала, планируя нашу свадьбу до мелочей. Я же задумался о том, что женюсь, так и ни разу не испытал бурных чувств, о которых пишут в романах и показывают в кино. Женюсь просто потому, что пришло время, потому что хочу большую семью, кучу детей.

– ...в Новой Зеландии к нашему путешествию присоединится мой старый друг Джон Смит, и с ним мы выйдем в море на арендованной яхте... – делилась подробностями Холли, но я её практически не слушал, поэтому на «медовый месяц втроем» никак не отреагировал.

Таинственных обжигающих сердце чувств я, возможно, и не дождусь, либо очерствел настолько, что стал к ним не способен, поэтому выбрал Холли. Красивую, утонченную и образованную девушку, умеющую вести себя в обществе, а по вечерам поддерживать со мной разговор на любую тему.

– М-да, как скучно... – озвучил вслух я свои мысли, приведя в замешательство Холли, говорящую что-то о морской прогулке с ее старым другом.

Благо мы уже подъехали к дому, и как бы Холли ни хотела разобраться, в чем дело, у неё не осталось шансов, так как на пороге дома моих приемных родителей снова стоял старикан из России, утверждающий, что он мой родной дед.

Борис Иннокентьевич Царев вот уже четыре года обивает порог нашего дома, обрывает мой телефон и заваливает почту письмами с уговорами приехать в Россию и узнать о себе правду.

До недавнего времени я и слышать ничего о своем происхождении не хотел. Знать не хотел, кто те люди, что предали меня и бросили. Но сейчас я вдруг решил, что должен это сделать, прежде чем начну семейную жизнь.

– Тимур, прости старика, я приехал без приглашения, так как у меня осталось мало времени, – высокий и крепкий мужик не выглядел болезненно, но всё-таки возраст у него уже за семьдесят.

Синди стояла рядом с гостем, кутаясь в очередной его подарок – теплый платок с причудливыми узорами.

К слову сказать, мои приемные родители давно нашли общий язык с этим русским олигархом и предпринимали несколько попыток убедить меня дать ему шанс.

А вот Холли видела его впервые и, скорее всего, едва успевала накручивать нули, оценивая прикид старика и топчущихся у бронированного джипа телохранителей.

– Поговорим в кабинете моего отца, – пригласил я старикана в дом, раз уж и мама Синди, и Холли заинтересованы в его компании.

Не знаю, на что рассчитывал этот Царев, но кидаться к нему на шею я не собирался ни четыре года назад, в первое его появление, ни сейчас. Одно плохо – к его визитам я начал привыкать и с каждым разом меня всё больше тянуло туда, в суровую страну медведей, пьющих водку на Красной площади.

Последние крупницы моих сомнений по поводу поездки в Россию были нещадно растоптаны стариком.

– Я остался один, Тимур. Твоя бабушка Нина, к сожалению, тебя не дождалась. Два месяца назад её не стало.

Несмотря на то, что я не знал или не помнил эту бабушку, в глубине души у меня что-то оборвалось. Я чувствовал себя снова пятнадцатилетним пацаном, потерявшим ориентиры в жизни. Снова накрыло чувство безысходности – даже самые упоротые оптимисты опускают руки, когда в дело вмешивается смерть. Только сейчас я заметил, как осунулся старик, как померк его взгляд.

Межбровная складка Бориса на секунду стала еще глубже, но он тут же взял себя в руки и спокойно продолжил:

– Кроме тебя, у меня никого не осталось. Я пережил всех... наверное, потому что никогда не терял надежды найти тебя живым и отдать всё, что тебе принадлежит. Я прошу тебя приехать только один раз, Тимур. Давай покончим с делами, и я, в свою очередь, обещаю больше тебя не беспокоить.

Говорят, в России нельзя нажать такое состояние, как у Царева, не связываясь с криминалом. Судя по тому, что он грозился оставить в наследство, Борис Иннокентьевич погряз в нём по уши.

Не знаю, что повлияло на меня сильнее. Наверное, новость о том, что я просрал шанс увидеть Нину живой, дотронуться то тех рук, что, по словам старика, баюкали меня в младенчестве. Услышать голос, певший мне колыбельные и посмотреть глаза, дарившие тепло. А может, то, что упертый старик, постоянно рассказывая мне такие сентиментальные подробности, всё же смог расковырять что-то во мне давно очерствевшее и разбудить интерес к той истории, что он мне поведал о моём якобы похищении из дома. Я не помню ни единой детали из тех времен. Мой мозг наглухо заблокировал эти воспоминания.

– Хорошо, я поеду с тобой, – быстро произнес я, чтобы не дать себе время передумать.

Не из-за страха перед неизвестной страной и чужими людьми, не из-за огромного наследства, которым я не представляю, как распорядиться, а из-за того, что я не знаю, какие тайны моего прошлого откроются и смогу ли я с ними жить, как прежде.

Едва ли я готов был к сияющим лучам морщин у глаз старика, который всегда казался мне слишком угрюмым. Борис выглядит и ведет себя так, словно у него весь мир в кармане – властный, упертый и несокрушимый. Кремень, а не мужик. И я, честно говоря, втихаря от себя им восхищаюсь. Его не остановили ни годы, ни моё нежелание с ним общаться. Он как атомный ледокол, прёт, не взирая ни на какие условия.

Едва мы вышли с ним из кабинета Билла, меня перехватила Холли и, заискивающе улыбаясь Борису, потащила в мою комнату.

– Это действительно твой дедушка? – с пылающим адским пламенем любопытства в глазах тут же начала она расспрашивать.

Понятно, что Синди растрепала уже всё своей любимой невестке, и теперь, если я откажусь от наследства, мне до конца дней будет клеветать мозг Холли.

– Я как раз собираюсь это выяснить. Еду на пару дней в Россию.

Мягко говоря, вопросы Холли меня раздражали. Тем более, её возбужденное состояние по поводу свалившихся на меня средств наводило на мысль, что до моих чувств и мыслей ей совершенно нет дела.

– Тимми, если он хочет отдать тебе часть своего имущества, ты не должен отказываться, слышишь? Ты должен подумать обо мне и наших будущих детях!

– Ты ведь не хотела детей сразу? – насмешливо приподнял я бровь, заглянув в ее глаза.

Надо же, теперь я голен и на отцовство оказался. Сразу. Без проверок временем наших отношений и прочих условий Холли.

Не став отвечать мне на вопрос, Холли применила свою излюбленную тактику. Подошла ближе и, по-кошачьи мягко прочертив пальцами по моей груди, подставила губы для поцелуя. На самом деле эта херня работает только потому, что мужики очень быстро забывают пустой треп, а не от того, что бабы своими прелестями нас сбивают с толку. Просто важны только факты, а мусолить из пустого в порожнее удел живущих чувствами и тревогами женщин.

Поэтому я забыл об этом разговоре сразу. А по прилету в Москву забыл и о Холли. Сначала потому что был взволнован и немного нервничал от того, что скоро окажусь у того дома, где, по словам Бориса, я жил с ними и с родителями. Увижу фотографии биологических отца и матери. Волновался и боялся одновременно того, что увижу, возможно, узнаю или вспомню. По этой причине я забыл сообщить Холли о том, что долетел. Но я и не думал, что появится

причина, по которой я не только забуду о том, что у меня есть невеста, но и задержусь в Москве дольше, чем планировал.

Как и положено всем туристам, я таращился по сторонам из приоткрытого окна, сидя на заднем пассажирском сиденье, и прислушивался к русской речи Бориса с водителем.

Город разительно отличался от тех, что я видел, и мне было интересно абсолютно все – от зданий и ярких вывесок до людей на тротуарах и в машинах. По этой причине я не мог не обратить внимания на яркую блондинку в машине с открытым верхом, остановившуюся рядом с нами на светофоре.

Девушка была очень эффектной, из тех, кого трудно не заметить в толпе, даже если эта толпа будет состоять из самых красивых женщин мира.

Из салона её авто громко басила музыка, и её перламутрово-синие ногти отбивали в такт по кожаной оплетке руля. Девушка пританцовывала и, судя по шевелящимся губам, подпевала. Я как заторможенный чудак глазел на эту красавицу. На её тонкой шее развивался почти прозрачный платок, вырез блузки был как у бразильских женщин из сериалов – плечи и ключицы открыты, пышная грудь прячется под нежной тканью.

Девушка повернула голову в мою сторону настолько резко и неожиданно, что застала меня врасплох. Но у меня даже не возникло желания отвернуться и закрыть окно. Я встретился с ней взглядом и потерял дар речи на всех языках разом.

Это было что-то необъяснимое. Магия. Мир просто растворился вокруг в размытых картинках и приглушенных звуках. Странное чувство – впервые увидев человека, вдруг возжелать никогда не терять его из виду. Стать ближе и окунуться в эти нереальные ощущения глубже.

– Эй, если не перестанешь так смотреть, то наши зубные щетки будут стоять в одном стакане до конца жизни! – крикнула мне красотка и рассмеялась, срывая с места свой спорткар.

Девушка мчала по дороге, лихо лавируя в потоке машин, то и дело совершая опасные маневры, нередко получая в свой адрес недовольные сигналы водителей и даже выкрики из открытых окон.

– Такая от скуки не умрет, – хмыкнул дед, конечно же, слышавший её реплику в мой адрес и видевший, что я продолжаю за ней наблюдать.

– В точку, Борис Иннокентьевич, – согласился я вовсе не с ним, а со своими мыслями.

Чем ближе дата моей свадьбы, тем больше я думаю о совместной жизни с Холли. Как бы я ни старался представлять Рождество или другие семейные праздники, детей или совместные поездки в отпуск, всё равно у меня в голове крутилось только одно слово – скука.

Очередной опасный маневр красотки заставил один автомобиль съехать практически на обочину. Водитель в гневе аж наполовину высунулся из окна, что-то крича ей вслед. Но девчонка лишь беспшашно махнула рукой и утопила педаль в пол, заставляя несчастного глотать пыль из-под её колес.

Водитель джипа в бешенстве попытался преследовать девушку, но не тут то было. Она шныряла по рядам с такой легкостью и грацией, что неповоротливый желтый пикап практически сразу бросил эту затею. Толкая других участников движения и мотаясь с полосы на полосу, он в итоге и от нас отстал значительно.

– Дурочка, не пристегнута ведь даже, – не выдержал и водитель Бориса, высказав вслух и свое мнение о фурии на красном кабриолете.

Услышав это, я нахмурился. Я не мог понять, что меня беспокоит, но что-то казалось неправильным. Не вязался у меня взгляд блондинки с её легкомысленным поведением. Что-то тут было не так.

Спустя пару минут мы все потеряли девчонку из вида. Борис сказал, что через двадцать минут мы будем дома, и я снова уставился в окно, разглядывая лес со своей стороны.

Когда мы проезжали мимо очередного поворота на узкую дорогу по лесному тоннелю, мой взгляд всего на долю секунды выхватил ужасающую картину. Всего метрах в двухстах

дымился искореженный красный кабриолет. За эту долю секунды я не успел увидеть большего, только заорал:

– Остановись! Там на лесной дороге авария! Давай назад!

Аварии у любого человека вызывают тревожное состояние, но от себя я такой реакции никак не ожидал, впрочем, разбираться с этим было некогда.

– Я не могу тут развернуться, отбойник же, – спокойно ответил водитель, но по настоянию Бориса все же съехал на обочину.

Машина еще полностью не остановилась, когда я выскочил и побежал обратно. Борис кричал мне вслед, призывая не вмешиваться, но я его не послушал.

Прикинув, что, срезав угол через лес, я доберусь гораздо быстрее, свернул, не жалея новых ботинок, и прибавил ходу.

Сердце колотилось так, что уши закладывало. Ветки хлестали по лицу, так как я их не замечал. Мой взгляд был прикован к дороге, которую я уже видел сквозь лес.

Я был совсем рядом и видел лежащую на асфальте девушку. Расстояние не позволило мне понять, какие у неё травмы, и я молился, чтобы она была жива. Мне осталось преодолеть не более десяти ярдов по лесу, когда по дороге в направлении девушки проехал тот самый джип, водителя которого она разозлила.

Внедорожник остановился прямо на дороге и из него выскочил мужчина, быстрым шагом приближаясь к лежащей лицом вниз девушке.

Казалось бы, ситуация и дальнейшее её развитие вполне понятны, но то, что случилось дальше, заставило меня замереть с открытым ртом прямо на краю лесной просеки.

Едва мужчина склонился над девчонкой, её длинные ноги в черных кожаных брюках взлетели вверх, рассекли воздух словно ножницы. Секунда, и мужик стоит на коленях, а в руках блондинки самый настоящий пистолет, направленный ему в голову.

Моему изумлению не было предела. Что происходит? Её поведение на дороге было заранее продуманным, и этого водителя она провоцировала не случайно? Кто она такая?

Не успел я прийти в себя от увиденного, как события начали разворачиваться еще стремительнее. Всего в нескольких шагах мимо меня скользнула первая тень, чуть дальше – еще один силуэт, и с противоположной стороны дороги так же высыпали экипированные в черный камуфляж люди.

Громила в натянутом по самые брови капюшоне появился перед моим лицом настолько быстро и бесшумно, что я после всего пережитого и увиденного поверил бы и в привидение.

– Вашу мамашу! – выругался я, от неожиданности забыв правильное сочетание этого ругательства.

– Заплутал? – поинтересовался «капюшон», ухмыляясь и перекатывая в зубах спичку.

Не желая связываться, дабы не вляпаться в историю, едва сойдя с самолета, я поднял ладони и развернулся в обратную сторону. По привычке извинившись на английском языке.

– Иностранец, что ли? Ну, тогда гуд найт! – последнее, что я услышал и отключился.

Не сам, конечно. Выключил меня громила, легонько тюкнув по темечку своим кулаком.

Очнулся я уже в мягкой постели неизвестного мне жилища. Рядом со мной сидел дед Борис, бледнее свежеевыпавшего снега.

– Ну, слава богу! – оживился Борис, увидев, что я открыл глаза.

– Где я? – проскрипел мой голос.

Интерьер комнаты наводил на мысль, что меня притащили в какой-то музей, и в данный момент моё брэнное тело проминает перины века так девятнадцатого примерно. Резная мебель из массива дерева, классическая раскладка на стенах и старинные часы, с циферблатом которых разберется не каждый.

– Дома, Тимур. Наконец-то ты дома, – мягко улыбнулся старик, смакуя эти нехитрые слова.

Его глаза лучились счастьем, что солнце можно было выключать. Я не чувствовал себя дома, но возражать не стал, потому что впервые видел такое безмятежное счастье в глазах Бориса Иннокентьевича. В выцветших радужках медового цвета больше не было беспокойства и напряжения. И, глядя на деда, я осознал, насколько действительно для него было важно притащить мою задницу в Россию.

– Вижу, в этот раз мне не придется дежурить подле тебя с капельницей, Борис Иннокентьевич! – раздался ворчливый голос в дверях.

– Проходи, Николай Дмитриевич, знакомься, мой внук Тимур! – с нескрываемой гордостью представил меня дед вошедшему мужчине.

Глянув на вошедшего, я ещё больше занервничал. Мужчина был одет в костюм-тройку в крупную коричневую клетку, из кармашка выглядывал уголок платка, на носу пенсне. И для полноты картины тащил с собой саквояж! В последний раз я видел такого доктора в историческом детективе по роману Агаты Кристи. Судя по его внешнему виду и седым вискам, этот врач клятву Гиппократу давал Гиппократу лично.

– Вашу мамашу... – пробормотал я, размышляя, знают ли в этой стране, что пенициллин давно открыли или лечат пневмонию настойкой из корней и молитвами?

Да уж, получается, что единственное, что произвело на меня впечатление в России – блондинка с шикарной улыбкой и весьма увлекательным досугом.

– Что там произошло? На дороге? – решил я выспросить у деда, пока эскулап меня осматривал.

– Какая-то спецоперация, – пожал плечами Борис. – Мы вовремя подросли, а не то и тебя бы увезли в кутузку.

К моему сожалению, дед ничего не знал из того, что происходило на дороге, так как полностью был сконцентрирован на мне и не смотрел на эту операцию. Кого ловили – он тоже не понял. Девчонку или того мужика?

– До свадьбы заживет, – сделал свой высокопрофессиональный прогноз доктор.

Пока дед провожал врача, я поднялся с лежанки и подошел к шкафу, за стеклянными дверцами которого стояли фотографии.

– Это твой отец, – тихо произнес за моей спиной Борис.

Обернувшись, я, как обычно, хотел перевести тему, дабы не слышать ничего о них, но не смог. Дед смотрел на выцветшую фотографию своего сына с застывшей во взгляде печалью и глубокой болью, которая не проходит и не оставляет его вот уже много лет.

Рядом стояла свадебная фотография, где тот же молодой человек держал в своей руке руку невероятно красивой брюнетки. У меня её глаза.

– Что с ними произошло? Авария?

Разумеется, я давно задавал себе этот вопрос, но все никак не мог решить, действительно ли я хочу знать о себе всё. Наша память – очень мудрая штука, она способна блокировать травмирующие нашу психику эпизоды, и то, что я не помнил ни единого мгновенья из своей жизни тут, говорило само за себя.

– Их убили в собственном доме, – бесцветным голосом ответил Борис. – Поехали-ка в гости к моему другу Виктору? Посидим на берегу озера, порыбачим. Поедем на недельку, а за это время мой помощник сделает тебе паспорт... и гражданство, разумеется, тоже.

Борис Иннокентьевич явно очень торопится свалить на меня свои несметные богатства. Это одновременно и настораживает, и вместе с тем появляется приятное чувство предвкушения, словно он действительно отдает то, что по праву мне принадлежит.

– Можно? – открыв дверцу и схватив фотографию, я сжал рамку так, что даже если бы дед мне отказал, отбирать её пришлось бы с гидравлическим инструментом.

Из исторического музея, который оказался домом Бориса, он увёз меня в шикарное место где-то в Калужской области.

Среди густых лесов, прямо на берегу большого озера, жил его друг Виктор, и, как оказалось, он был последним, кто разговаривал со мной до моего исчезновения.

Расположившись в гамаке под тенью огромного дуба, я рассматривал фотографию своих родителей. Мысли роились в голове и было тошно от всего, что я узнал от деда и Виктора.

– Я тут документы с собой прихватил, посмотри на досуге, – не отставал от меня дед, решив брать, пока я тепленький.

– Я не читаю по-русски, – не хотел я его разочаровывать, но это правда.

– Ох, тогда тебе будет непросто, – нахмурился дед. – Если коротко, то тебе принадлежит торговый центр на Проспекте Мира, складской комплекс и логистический центр в Подмоскowie, клуб «Айкон» в центре... ну и по мелочи – дома, квартиры, автопарк...

С каждым названным объектом мои глаза всё больше округлялись и в голове билась только одна мысль: «Я со всем этим не справлюсь! Продать? Отказаться?».

– Справишься, я всё тебе покажу, тем более уже больше трех лет на всех дверях кабинетов висит твое имя.

– А ты не слишком торопишься, Борис? – пребывая в замешательстве, спросил я деда.

Легкая улыбка чуть тронула уголок рта Бориса.

– Тороплюсь? Нет, не думаю. Ты всё, что у меня осталось, однако я не настолько глуп, чтобы ожидать от тебя желание общаться и тем более рассчитывать на более высокие чувства. Поэтому мне пора к своим. К Нине и сыну. Больше двадцати лет назад я обещал, что найду тех, кто лишил жизни Льва, и найду тебя, чего бы мне это ни стоило. И, нравится тебе это или нет, ты единственный мой наследник, последний из нашего рода.

Слушая деда, я вдруг понял, в кого у меня такой злобный, упертый и нетерпимый характер. Это удивительно, ведь никакого участия в моем воспитании он не принимал, но чем больше я с ним общаюсь, тем больше нахожу общих черт.

– Почему ты считаешь, что я всего этого достоин? Что я справлюсь?

– Конечно, справишься. Потому что в тебе моя кровь, Тимур. Ты Царев – носи эту фамилию с гордостью.

Неделя с дедом и его другом Виктором пролетела быстро. Уж очень программа в этом спрятанном от мира месте была насыщенной. День за днем Борис посвящал меня в свои дела, много рассказывал о моих родителях, но о дне, когда их не стало, заговорил лишь в пятницу, когда мы вернулись в Москву, обросшие как лешие.

Посещение дома, где мы, молодая семья Царевых, прожила совсем недолго, стало для меня последней каплей, и я решил немного прогуляться по городу в одиночестве. Хитрый дед, дабы не отпускать меня одного, подсунил мне машину с водителем.

Рассматривая ночную жизнь столицы из окна машины, я вдруг увидел тот самый клуб, фотографии которого были в папке Бориса. «Айкон» – клуб, в котором я, сам того не зная, вот уже третий год числюсь директором.

Я думал, что в клуб меня занесло любопытство и желание выпить, но оказалось, привела меня сюда судьба.

Уильям*– сокращенно Билл, далее по тексту чаще будет использоваться сокращенная форма обращения.

Глава 2 Милена

Особо опасного серийного маньяка требовалось взять живым, так как была надежда на то, что последняя похищенная им девушка находится в его фургоне и ещё жива. Мистер маньяк – голубые глаза, золотые зубы – клюнул на меня сразу, и заставить его выйти из машины, оставив жертву без присмотра, было проще простого.

Я надеялась, что это дело будет для меня последним в агентстве «Vogzz», но папа, являющийся одним из его основателей и владельцев, был категорически против выпускать меня из поля своего зрения и контроля.

Очередная ссора с папой привела к тому, что я уже третий день слоняюсь по клубам и появляюсь дома под утро. В сопровождении двух своих братьев, естественно. Угораздило же меня родиться в один день с этими безбашенными. Мирон и Макар каждый день находят меня в многомиллионном городе так легко, словно у меня в заднице маячок.

Но сегодня ни одна собака не сдаст меня братьям. В клубе «Айкон» ежегодный маскарад, и я приложила максимум усилий, чтобы не быть узнанной.

Клуб «Айкон» вечно набит всяким сбродом, и с каждым годом количество злодеев, игнорирующих любые законные ограничения, становится в нём всё больше, будто там и плодятся.

– Депозит, – кричу я бармену, решив оплатить заранее все коктейли наличными, дабы меня не отследили по банковской карте лучшие агенты Бес и Хамелеон, то бишь Макар и Мирон.

Знакомство с парнем в этом клубе – это лотерея, где больше шансов выиграть поездку в безлюдное место, да там и остаться остывать. Конечно, это заведение посещают не только лютые отморозки, но мне везёт сразу, едва я решаюсь пройти от бара на танцпол.

Мою пятую точку обжигает шлепком тяжелой руки с такой силой, что я слегка подаюсь вперед, прежде чем обернуться и посмотреть, что за смертник на это решился.

Прямо за моей спиной стоит здоровенный мужик, обросший как полярник. Небрежная щетина подсказывает окружающим, что про бритву и барберов он никогда не слышал. Под толстовкой явно угадывается очертание широких плеч, обремененных недюжинной силой.

– Слышишь, Лохматая Гора, у тебя конечности лишние? – интересуюсь я, разминая ладонь для оплеухи, всё-таки не хочется ударить в грязь лицом и отвесить пощечину менее жгучую, чем он по моему задку.

Лохматая гора задержал удивлённый взгляд на моем лице лишь на секунду. В следующую он уже схватил за грудки ржущего рядом парня, очень плохо справившегося сразу с несколькими ступенями эволюции.

– Ты должен немедленно принести свои извинения этой леди! – прорычал обладатель небрежных зарослей на лице.

Речь у него чудная и как будто с легким акцентом. Но мурашки у меня побежали не от него и даже не от его низкого рычащего голоса. Его глаза были чернее дождевой тучи ночью. Они пугали и завораживали одновременно. Как будто впервые видишь смертельно приближающееся торнадо, понимая опасность, но оторвать взгляд от такого зрелища невероятно трудно.

Даже не знаю, с чем ещё сравнить. Наверное, это как заглянуть в глаза чудовищу, в чьей лохматой оболочке спрятан заколдованный король. Пришлось немного поморгать, чтобы прогнать наваждение.

На тесном танцполе тем временем становилось всё свободнее от того, что градус противостояния горы и бабуина накалялся с каждой секундой.

– Грабли свои убери, фраер! Раз на раз слабо? – визгнул бабуин, толкая мохнатого защитника чести моей пятой точки.

Длиннющие черные ресницы непонимающе хлопнули. Парень с шерстяным ковром на лице определенно силится вникнуть, при чем тут садовый инвентарь и что такое «раз на раз».

– Я бы сразился с тобой интеллектуально, но вижу, что у тебя нет оружия! – рыкнул мой холмистый заступник, легко отодвинув от себя хама.

Далее изо рта агрессивного примата полилась речь нецензурная, и в заросшую физиономию Горы полетел кулак. Правильно, бугристый! Если драка неминуема – бей первым! Не сомневаюсь, что мой лохматый рыцарь справился бы с агрессором самостоятельно, да вот только такие, как бабуин, в клуб приходят всем своим обезьяньим царством. И заявленный «Раз на раз» превращается в нападение на льва, стаей гиен.

На защиту своего соплеменника тут же бросились дружки, побросав свои стаканы и подружек. И хоть я практически выросла на тренировочной базе среди лучших бойцов, все же раскидать такую ораву беспредельщиков для меня задача непосильная, с этим справиться играючи может только Бес.

Народ, разодетый в маскарадные костюмы, наслаждался битвой диких обезьян с чудищем лохматым. Вокруг уже стоял дикий ор и свист. Кто-то из толпы снимал на телефон, кто-то делал ставки. Вот только вмешаться и помочь одинокому воину никто не хотел. Лохматый парень не спасовал и не пытался сбежать, мужественно загораживая меня своей спиной и отбиваясь от нападающих.

Пока я таранилась на широкую спину в моей голове крутилось только одно определение этому герою – чужак. Парень явно не понимал, к чему приведет его попытка осадить хама в этом клубе. Говорил, будто он прискакал на лошади к порогу клуба напрямиком из девятнадцатого века. Мой рыцарь!

Должно быть, мне нужно было прикинуться робкой ланью и изобразить хотя бы испуг, но к боям и дракам я давно привыкла, а от этой и вовсе хотелось зевать. Бойцовые приматы только на словах были смелы и нападали в основном исподтишка на намертво вросшую в пол гору. Все пятеро сильно проигрывали Мохнатому в комплекции, и никто не хотел испытать силу его кулака первым.

– Да кто ты такой! Я тебя... я сделаю из тебя отбивную, что мать родная не узнает! – доносились стандартные фразы от трусливых драчунов.

– Украсил бы ты клуб своим отсутствием, пока я грех на душу не взял! Иначе тебя ни один патологоанатом не идентифицирует – устрашающе спокойно рычал мой защитник.

Эй, Гора! Я бы попросила не обобщать! И не таких бабуинов идентифицировали!

Всё же силы были неравны, поэтому, когда одной хитрой макаке удалось просочиться за Гору, я быстренько выписала ему мыском туфли по кости ниже колена и основанием ладони в нос.

– Мисс, вы в порядке? – обернулся мохнатый, снова погрузив меня во тьму своих глаз.

В его черных глазах сверкала россыпь звезд. И вокруг всё сияло, словно во сне. Это было что-то невероятное, аж дыхание перехватило и в груди что-то взволнованно заколыхалось! Впервые в жизни я испытала неопишуемое чувство, затмившее абсолютно всё прочее. Не только происходящее вокруг стерлось из сознания, а вообще всё застыло, удаляясь в архив. Наши взгляды пересеклись, и по венам пронесся молниеносный заряд, и словно от удара током мой взгляд терял резкость и фокусировался лишь на Лохматой Горе. То, что я чувствовала рядом с этим парнем, не находило объяснения. Вся кожа покрывалась мурашками от одного взгляда, по телу бежала приятная мелкая дрожь. Сердце колотилось, как умалишенное.

– А? – растерянно переспросила я, смущенно улыбаясь.

Взгляд Горы переместился мне под ноги, где отдыхал в нирване хитрожопый макак, и вновь поднялся к моему лицу. Мне показалось, что во тьме его черных озер появился немой укор. Кокетливо махнув ресницами, я виновато отпихнула ногой от себя валяющуюся конечность.

Честное слово, будь это возможно, я, словно нагадившая кошка, закопала бы бабуина-говнюка под паркет!

Как истинные шакалы, дружки отдыхающего воспользовались моментом, когда Гора отвлекся на меня, и накинулись всей стаей одновременно. Дрались они как пацанята во дворе, тупо размахивая руками и ногами в надежде побольнее зацепить. В отличие от них мой герой был не настолько бездарен в ближнем бою и умело уворачивался от наиболее опасных ударов, метко отвечая по пустым головам. Как настоящий царь зверей, такой же лохматый и сильный, расшвыривал бандерлогов по сторонам. Завораживающее зрелище.

Укоризненный взгляд Горы окончательно убедил меня в том, что леди, как он меня назвал, драться не должны, поэтому я скромно стояла в сторонке. Охрана клуба, видимо, всем составом вышла покурить, и вместо них решили вмешаться равнодушные посетители. Поначалу они просто пытались успокоить драчунов и растащить, но потом начался какой-то адский замес, и было уже не разобрать, кто и за что машет кулаками.

Мой брат Макар появился как всегда ниоткуда, словно материализовался из полумрака и лениво крутя спичку во рту, отсканировал зал взглядом. Как всегда в капюшоне по самые брови, из под которого только глаза светятся и моргают наушники. Одним словом – Бес. Мой маскарадный костюм Марвеловской Супергёрл филейную часть и живот практически не закрывал, зато лицо было спрятано за широкой маской, и ярко-розовые тонированные пряди помогли быть не узнанной сразу. Однако, если оставаться на месте, Бес вычислит меня очень быстро.

– Бежим! – дернула я за руку Гору, заставив развернуться на полкорпуса, как только какой-то дурачок решил пнуть Макара.

Зная, что на то, чтобы надолго успокоить идиота, Бесу не понадобится и пяти секунд, я потащила Лохматого в толпу зевак. Благо фанатов супергероев сегодня было достаточно, и я терялась на их фоне.

Я собиралась провести своего защитника к туалетам, чтобы он смог умыться и осмотреть свои повреждения, но на полпути нас остановила охрана.

– Просим вас немедленно покинуть клуб, – потребовал крепкий мужик, глядя на нас, будто это мы зачинщики беспорядка.

Оказавшись на улице под светом неоновых вывесок и желтого фонаря, я разглядывала пострадавшее лицо Лохматой горы.

Лицо его разбито. Один глаз заплыл от удара кастетом, из губы сочится кровь. Оставшийся невредимым глаз внимательно вглядывается в моё лицо.

– Похоже, тебе нужно в больницу, – протягиваю я руку к окровавленной скуле, нежно ощупывая ее, дабы убедиться, что она не сломана.

Парень мгновенно меняется в лице, делая попытки нахмуриться, и темная бездна единственного уцелевшего глаза начинает выжигать во мне дыру.

– Снова ты? – рокошет низкий хрипловатый голос.

– Ну... как бы нас вместе из клуба вышвырнули, помнишь? – сочувственно оглядываю его травмы с большим усердием.

Макушку Горы мне не видно, может, ему настолько сильно приложили по ней, что у него память отшибло.

– Тебе бы раны обработать... лёд приложить, – снова тяну я ручонки к пострадавшей из-за меня симпатичной мордашке.

И он реально классный. Даже с расквашенной моськой.

Гора закатывает глаз, плотно сжимает губы и, продолжая сверлить меня темным омутом, подхватывает под руку, буркнув:

– Пойдем!

Стараясь игнорировать легкое покалывание на запястье в месте соприкосновения нашей кожи, ворчу ему в ответ:

– Необязательно меня тащить! Я могу сама идти за тобой. Тебя, знаешь ли, трудно потерять из вида!

Тащил меня незнакомец в узкий проулок между клубом и торговым центром. В темный, скрытый от посторонних глаз. Где стены зданий были практически глухими, с редкими узкими окнами и эвакуационными дверями, выходящих на ржавые пожарные лестницы.

Но крайне странный выбор маршрута меня не настораживал. Никакой маньяк или другой злоумышленник не стал бы подставлять своё лицо ради будущей жертвы. Несмотря на обросшую физиономию и скромный выбор одежды, парень выглядел интеллигентным, обаятельным и обходительным. «Как известный кровавый маньяк Тед Банди», – подсказало мне подсознание.

– Я отвезу тебя домой, – сообщил мне Лохматый Герой и, спохватившись, добавил: – Если ты не против.

– Я против! – поспешила возразить я, – С детства не доверяю одноглазым водителям! И вообще... – на этом месте мне пришлось заткнуться и, приложив нечеловеческую силу, толкнуть к стене опешившего парня.

Оказывается, тащил меня паршивец на парковку, и я лишь в последний момент засекла там «Бэтмобиль» Мирона с одной стороны и кучку приматов с битами у синей «Мазды» с другой.

– Что – вообще? – поинтересовался расплющенный мною одноглазый.

Ситуация его явно позабавила, судя по растянувшимся окровавленным губам, обнажившим ровные белые зубы. Улыбается. Такой милаш!

– Мне депозит за коктейли не вернули! Хочешь выпить? – выкручиваюсь я как уж, заприметив заднюю дверь клуба.

Нет никаких гарантий, что Бес не появится с другого конца проулка, тем самым загнав меня в западню. Поэтому я быстро выдергиваю шпильку из прически и, пошерудив в замке, отмыкаю замок.

Вскинутая бровь соучастника взлома с проникновением не заставила меня объясняться. В черной мгле оставшегося в живых глаза вспыхнуло любопытство. Улыбка стала еще шире, и лохматый походкой хозяина заведения, прошел следом за мной, произнеся:

– В кабинете директора должна быть аптечка... и выпить.

Ещё сегодня с утра в мои планы не входило взламывать двери, тем более кабинета директора клуба, но... они сами виноваты!

Добравшись до второго этажа, я вглядывалась в таблички на дверях, пока не увидела вытесненные серебряные буквы: «Генеральный директор Тимур Львович Царёв».

Мой сообщник тоже с интересом поглазел на дверь и, опершись плечом на стену рядом, сложил руки на груди, наблюдая, как я орудую шпилькой в замке. Меня немного потряхивало, так как прежде я никогда не делала этого без приказа свыше, Лохматый же был спокойный как удав, ну и выдержка!

Ухмылка не исчезла с расквашенной моськи, когда мы вломились в чужие владения без соответствующего ордера и вооруженной группы за спиной.

– Свет не включай... э... как тебя зовут? – предупредила я, прижавшись к стене и выглянув из окна, выходящего на парковку.

Как раз вовремя. Успела полюбоваться, как мои братики крутят шайку с битами и кастетами. Мой раненый боец тоже решил посмотреть на шоу Борзовых и встал рядом со мной.

– Куда зовут? А, моё имя? Тим, – звучит низкий голос над моей головой.

Точно иностранец, хотя по-русски говорит очень даже прилично.

Моё тело снова осыпало иголочками только от легкого касания мягкой ткани его толстовки и теплого дыхания, скользящего по моей макушке. Это ведь странно, так реагировать на мужчину, которого совершенно не знаешь и даже ни разу не видела при ярком освещении. Но ощущение его тепла всего в паре сантиметров от меня действовали на меня сокрушительно. Мимолетный невесомый аромат его парфюма кружил голову, оставляя странное чувство маленького счастья.

Списав всё на экстремальную ситуацию и переизбыток адреналина в крови, я сделала пару шагов в сторону шкафа и, открыв секретер, устала на ряд бутылок.

– Что дальше? Вскроешь сейф? – поинтересовался лохматый, увлеченно рассматривающий кабинет одним глазом.

– Да. А потом избавлюсь от одноглазого свидетеля, – не повелась я на его явную провокацию, но своё имя называть не спешила, дабы не сдал меня первому встречному патрульному.

Думается мне, что в его глазах я бесшабашная легкомысленная особа, не обремененная моралью.

Пошарив по шкафу, я наткнулась на маленький холодильник, в морозилке которого обнаружила лёд. Тим уже успел расположиться на небольшом диване, откинув голову на спинку и широко расставив ноги. Вполне возможно, у него адски болит голова, поэтому он лишь молча наблюдает за мной одним полуприкрытым глазом.

– Как думаешь, сколько этой бормотухи мы можем выпить на мой депозит в полторы тысячи? – опускаю рядом с ним бутылку.

Мельком глянув на пузырь, Тим приподнимает свой зад с дивана и, сунув руку в карман, извлекает портмоне.

– Этого хватит, – выуживают длинные пальцы пару купюр с изображением королевы Соединенного Королевства.

Нависнув над ним, я прикладываю пакетик льда к распухшему веку, второй рукой нежно сдвигая прядь волос со лба.

Тим не двигался и вроде даже не дышал, пока я с особой нежностью за ним ухаживала и, разумеется, пыталась рассмотреть черты его лица. Для меня один из главных показателей мужской привлекательности это волосы. У Тима шикарная шевелюра – густые красивые пряди, прическа слегка небрежная. А самое главное, они ухоженные – аккуратно пострижены и чистые. Высокий лоб, красивый изгиб широких бровей, нос с небольшой горбинкой – явно был сломан, и среди густой заросли умопомрачительные полные губы.

Здоровый глаз, воспользовавшись тем, что находится он на уровне моей груди, обосновался там неприлично долго. Потом скользнул ниже на мой открытый живот, бедра. Кожа горела под его ласкающим горячим взглядом, каждая клеточка трепетала. Господи, что было бы, если бы он проделывал это со мной двумя глазами? Наверняка я бы превратилась в пепел. Осыпалась бы на пол и балдела.

Тим тяжело выдохнул и перехватил мою руку с пакетиком льда, отодвигая от себя. Пальцы у него какие-то... интеллигентные. Длинные, красивые и свежие ссадины их ничуть не портят. В целом, за его небрежной брутальностью, хорошие манеры и высокая степень культуры были заметны невооруженным глазом.

– Могу я узнать твоё имя? – отвлек меня бархатистый голос.

– Милена.

Имя в Москве довольно популярное, и найти человека по одному имени невозможно, поэтому я не считала нужным лгать.

– Милена, – перекачивая на языке, будто смакуя, повторяет Тим. – Никогда не слышал. Твое имя очень красивое, тебе подходит.

Мне много раз говорили подобные комплименты, но впервые это прозвучало настолько искренне и легко, что я слегка смутилась. И неожиданно для себя поняла, что хочу ему понравиться.

виться. С первой минуты, как его увидела. Эта мысль вызвала во мне волнение, и я поспешила убрать задрожавшие руки от отёкшей моськи подальше.

Пока я убирала улики в найденный тут же пакет, Тим поднялся с дивана и подошел к столу с бутылкой и стаканами.

– Выпьем, если ты никуда не спешишь, – вопросительно изогнул свою шикарную бровь Тим, откупоривая стеклотару.

Определенно между нами витало что-то неосязаемое. Мы оба были напряжены, словно ступали по минному полю с завязанными глазами, но в то же время никто не желал заканчивать вечер.

– Хочешь знать, не ждёт ли меня дома муж? – лукаво улыбнулась я.

– А он ждёт? – тут же спросил Тим и в ожидании ответа замер с бутылкой в руке, занесенной над бокалом.

По тому, как он напрягся, стало очевидно, что наш интерес к друг другу взаимный, и то, что для Тима этот вопрос принципиальный.

– Я не замужем. Пока не сменю сферу деятельности, мне замужество не светит, – вздохнула я. – А как насчет тебя? У тебя есть любимая женщина?

Тим снова попытался свести брови, но отёк ему не позволил, и медленно, словно нехотя, ответил:

– Любимой женщины у меня нет.

Протянув мне наполненный бокал, Тим уселся рядом со мной на диван. Не припомню второго такого случая, чтобы мне настолько комфортно и приятно было находиться наедине с незнакомым человеком.

Распивая спиртное в чужих владениях, мы совершенно забыли об опасности быть пойманными с поличным и просто болтали. Тим рассказал мне, что живет в Лондоне, а его приёмные родители в пригороде в ста километрах от столицы.

– У Билла и Синди сеть кондитерских «Захер». В Лондоне очень любят австрийские десерты. Я занимаюсь обеспечением, организацией снабжения. Часто езжу на выставки оборудования и прочие мероприятия.

– А в Москве часто бываешь? – мне до жути было интересно всё, что связано с бизнесом, но этот вопрос волновал больше.

– Не считая того, что я родился и прожил тут до пяти лет, это мой первый визит в Москву, – ответил Тим, и интонация его голоса изменилась, будто ему неприятно об этом говорить.

В замешательстве я судорожно пыталась придумать, как сменить тему, потому что до жути не хотела, чтобы исчезло это притяжение, чувство предвкушения чего-то гораздо большего. Того, что подарит ни с чем несравнимое наслаждение.

– У тебя замечательная жизнь. У меня тоже есть мечта, но, наверное, я не самая одаренная личность, и мой удел до седых волос подчиняться командирам и следовать уставу. Санта никогда не подарит мне мечту, потому что я не хорошая девочка, – горько усмехнулась я, уже не осознавая, что открываю душу совершенно постороннему человеку.

Подпитанные алкоголем новые ощущения обострились до предела. Тим протянул руку к моему лицу, почти невесомо коснувшись подбородка и заставляя посмотреть на него.

– Ты самая невероятная девушка из всех, кого я знаю, – хрипло пробормотал Тим, наклоняясь к моему лицу.

Его глубокий голос действует на меня, как горячий коктейль и я вспыхиваю изнутри, чувствуя, как начинают полыхать щёки.

Я открыла рот, но сказать ничего не могла от того, как он смотрел на меня. В его взгляде горит огонь, он смотрит на меня выжидающе-напряженно, ни на секунду не отрывая взгляд.

Его дыхание становится ближе, жесткая борода касается моего подбородка, и приятный запах мужчины с тонким ароматом сандала обволакивает, затуманивая и без того пьяную голову.

Горячие, требовательные губы, касаются моих, неторопливо, но не оставляя ни единого шанса отказаться от его поцелуя. Но я и не хочу.

Глава 3 Тимур

Черт, получать по кумполу становится для меня традицией, стоит этой белокурой бес- тии появиться рядом. Крышу уже конкретно сносит. Я пытаюсь сосредоточиться на событиях вечера или моём взломанном кабинете, но взгляд мой снова прикован к Милене. Я даже не уверен, что моё внимание сегодня переключалось с неё.

В полумраке помещения мягкое свечение её кожи манило меня, и я абсолютно не мог противостоять этому. А еще ее голос. Нежный, грудной, обволакивающий до мурашек по спине. И я был рад, что она много болтает и не догадывается, какие бесстыжие мысли заполнили мою голову.

– ...предложили мне единственную торговую площадь, которая находится в подвальном этаже! – возмущалась Милена своим неудачным попыткам начать собственный бизнес.

Львиная часть её болтовни летела мимо моих ушей. Куда больше меня занимал этот пух- лый влажный рот и периодически мелькающий кончик розового язычка.

Мой взгляд сместился с её раскрасневшихся от алкоголя щёк и приоткрытых губ на мягкие округлости под тонкой тканью короткой майки. Тонкая талия с заметным рельефом пресса манила прикоснуться к ней, отведать на вкус, заставить мелко задрожать. Мучительно долго исследовать её тело, пока она не сойдет с ума от желания.

Наверное, фокус в том, что эта девушка для меня слишком необычная, слишком стран- ная. Мне, как любому нормальному мужчине, хочется заполучить такой бомбический трофей в свою постель.

– Ты самая невероятная девушка из всех, кого я знаю, – практически шепотом произношу я, нежно касаясь ее лица.

Милена облизывает нижнюю губу, и меня моментально пронзает дикое, первобытное желание. Длинные ресницы опускаются, едва мои губы касаются её. Я кружил по мягким губам, пока она не приоткрыла их, позволяя войти.

Это был осторожный и нежный поцелуй, но он словно вскипятил мою кровь, унося все мысли из головы. Вкус её кожи и горячий влажный язычок распалили во мне пламя.

Поцелуй, который был лишь для того, чтобы убедиться, что наши желания обоюдны, перерос в страстный танец губ. Я никак не мог насладиться её губами, путал пальцы в мягких волосах, нетерпеливо поглаживая чувствительную кожу за ушком подушечками пальцев.

Мои руки скользнули по обнаженному животу, подбираясь к шелковому лоскуту ткани, обтягивающему ее офигенную грудь. Едва не зарычал, когда меня до кончиков пальцев прон- зила дрожь. По позвоночнику словно ток по проводам, неслись электрические разряды. Тугие вершинки груди заострились, выдавая девчонку с головой, но едва мои пальцы прикоснулись к манящим соскам, тело Милены напряглось.

Черт, меньше всего сейчас я хотел бы спугнуть эту самую необычную в моей жизни девушку.

Отстранившись, я почти невесомо погладил её по щеке, вглядываясь в затуманенные глаза.

– У меня мало опыта... – пробормотала Милена, заливаясь краской и кусая губы.

Если она хотела меня заставить передумать этими словами, то очень сильно ошиблась. Жар бушевал в моих венах, и тело поддавалось первобытным инстинктам. Такая смелая и бесстрашная девчонка теряется от одного моего взгляда, покрывается мурашками от горячего дыхания, скользящего по её коже. Это сводит меня с ума, заставляя сердце колотиться, будто я бежал километр по песку.

– Ты не представляешь, что ты со мной делаешь, – бормочу я, тяжело вздыхая и отстра- няясь от слишком опасной штучки.

Никогда так не хотел женщину. Даже в свой первый раз меня так сильно не колотило. Член налился, принося почти болезненные ощущения, яйца едва не перекутило. До безумия я хотел проникнуть в неё, полностью растворившись в ней.

– Я хочу спуститься на танцпол и потанцевать, пойдешь со мной? – переместив взгляд с моих губ к глазам, спросила Милена.

– В таком виде? – иронично ткнул в свой подбитый глаз.

Танцы – это то, что меня сейчас интересовало в последнюю очередь.

– Ладно. Тогда я найду кого-то ещё, – с печалью в голосе сообщила мне бестия, встряхнув блондинистыми кудрями.

– Черта с два ты это сделаешь! – рывкнул я настолько неожиданно даже для себя, что следующую минуту ошарашенно молчали мы оба, таращась друг на друга.

Головой я подумать явно не успел, нечто иное застило мне разум.

– Ну... тогда снимай худи, – уставившись на меня широко распахнутыми пьяными глазами, велела Милена.

Вряд ли она имеет в виду то, о чем я подумал, но пришлось стянуть, оставшись в старой, невзрачной серой футболке.

– Сделаем из тебя пирата.

Пока я допивал остатки текилы и пялился на длинные ноги, сумасшедшая девчонка не раздумывая вырезала из моей худи полоску ткани, воспользовавшись ножницами из ящика стола.

– Сядь, Лохматая Гора, мне неудобно.

Расположившись между моих раскинутых ног, Милена старательно прятала мой фингал под широкую повязку.

Её бедра находились в паре сантиметров от моих пальцев, и – черт возьми – это нечестно! Я совершенно не буду против, если её ладошка переместится на моё бедро. И поднимется выше. К тому месту, где я её хотел.

– Готово. Осталось избавиться от улики, – сверкнула улыбкой бестия, вызвав у меня тихий вздох.

– Устроим пожар? Огонь уничтожит все следы, – предложил я, естественно, не собираясь этого делать.

– Угомони фантазию... Кутузов! Спалил уже один раз всю Москву, – рассмеялась Милена, явно издеваясь над моим подбитым глазом.

В считанные минуты белокурая преступница привела кабинет в прежний вид. Воспользовавшись остатками текилы и моей худи, Милена, я уверен, уничтожила не только отпечатки пальцев, но и все следы наших ДНК.

Всё же, чтобы обезопасить себя в будущем, я отправил деду сообщение о том, что побывал в кабинете клуба. Благо мой дед, в отличие от Билла, умело пользуется всеми благами цивилизации, включая различные мессенджеры.

– Может, лучше покатаемся по ночному городу? У меня машина с водителем на парковке, – предпринимаю я очередную попытку избежать танцев в идиотском виде.

– Только не говори, что ты неуклюж, Тим, я видела, как ты двигаешься! Драка это тот же танец. С единственным отличием – нравится он не только тому, кто ведет, – снова ослепительно улыбнулась Милена, практически отправив меня в нокдаун.

– Я вовсе не неуклюжий. Танцы у меня были обязательной дисциплиной старшей школе, – сообщил я, незаметно поморщившись от мысли, что почти все их пропустил.

Пока мы отсутствовали в главной части клуба, весёлый карнавал набрал обороты. Если не замечать обнимающиеся парочки у стен и блюющих подростков у туалетов, то праздник можно назвать интересным.

Впрочем, все мысли о том, как проходят тематические вечеринки моего клуба, сразу же вылетели из головы, как только в мои объятия доверчиво нырнула сероглазая бестия.

– Ты знаешь, что тело не умеет лгать? – изящно опустив руки на мои плечи, спросила Милена и продолжила щебетать что-то о магии музыки и прочей чепухе.

Благо, общаться с женщинами я умею в совершенстве – главное, зеркалить эмоции и иногда кивать. Музыка и разговоры сейчас меня занимали мало. Под благочестивым соусом теперь я мог касаться ее шелковистой кожи, рисуя подушечками пальцев на её спине. Дотрагиваться губами до лица, скользить по шее, слегка сжимая кожу губами.

– Боже, как ты прекрасна... – кажется, я повторялся снова и снова, слетая с катушек от близости нежного тела, от того, как ее бедра задевают мои.

– Ты тоже, – хлопая длинными ресницами, отвечает Милена, судорожно сжав мои плечи и прижавшись настолько близко, что мои мозги скатились напрямик в трусы.

В ответ я опустил руки ниже, медленно очерчивая мягкий изгиб бедер, и, судя по широко распахнутым глазам, одного движения хватило, чтобы она почувствовала твердость моих намерений.

Возможно, кто-то поджег под нами пол, потому что становилось нестерпимо жарко. В горле пересохло и слова вырывались из моего рта со звериным хрипом.

– Как жаль, что я встретил тебя так поздно, – пытаюсь реанимировать растекшиеся в кисель извилины, вернул я лапы на талию, но хватку не ослабил.

– Ты улетаешь? Когда? – округлила глаза Милена.

Это просто бесподобно! Её чистые и искренние эмоции так легко читать, словно мы знакомы сотни лет. И мне действительно жаль, что я не встретил её раньше, чем дал обещания другой.

– Через несколько дней. Как приведу в порядок фейс, иначе Синди хватит удар, а Билл потащит меня в полицию.

Разговора с Борисом тоже не избежать, но старик оказался с более крепкой психикой и ясным разумом, чем мои приемные родители номер два.

– Иногда и одной ночи достаточно, – загадочно ответила Милена и потащила меня к бару.

Указав мне на свободный барный стул, сама егоза забралась на приступок у барной стойки и что-то прокричала бармену.

– В каком смысле одной ночи? Ты что, решила использовать меня и бросить? – притянул я точеную фигурку, стараясь спрятать её от взглядов кобелей вокруг. – Я, между прочим, не такой!

Милена рассмеялась, покрываясь розовым румянцем, а я понял лишь одно – одной ночи мне будет мало. Мне мало этой невероятной легкости, кружащих голову ощущений и эмоций, заставляющих улетать душу в рай. Впервые в жизни они настолько переполняют меня, что хочется кричать, что целого мира нам мало! Вечности мало!

И я еще не понял, что со мной происходит. Либо это две недели воздержания и пары алкоголя, либо я столкнулся с тем, во что уже не верил и не ждал.

Контролировать либидо рядом с этой женщиной-загадкой становилось всё сложнее. Сногшибательная сероглазая красавица совершенно мне не помогала.

Милена вертелась от бармена ко мне, подвигая стопки, говорила что-то улыбаясь. Я погибал. В глазах её искрящих серебром, от кожи её шелковой дурел и сколько бы ни пил – не помогало. Во рту всё сохло моментально, едва мой глаз бесстыжий опускался от пухлого рта к пышной груди. До зуда в ладонях хочу померить её своими ладонями, стиснуть холмики, взбивая между ними...

– О чем задумался? – поймала меня Милена в фантазиях где-то между пенной ванной и смятыми простынями.

Надо все же взять себя в руки, не там, где дымится, а в переносном смысле. Нужно вспомнить, что я взрослый, самодостаточный и состоявшийся мужчина.

– Интересно, какой именно бизнес засел в твоей красивой голове? – решил я остудить свою голову, ту, что в штанах в особенности, скучной темой.

Соблазнительные губы растянулись в улыбке, серые глаза засияли, словно в них вселенная взорвалась россыпью звезд.

– Я хочу сделать счастливыми всех людей на планете! У меня будет сеть бутиков самого умопомрачительного женского белья! Из нежнейшего шелка и тончайшего, практически невесомого кружева...

Вашу мамашу! Девчонка настолько болеет этой идеей, что вспыхивает как новогодняя елка, экспрессивно жестикулируя. Её тонкие длинные пальцы порхают над залипательным вырезом, буквально извлекая из моей памяти всю камасутру.

Младший Царев вместо того, чтобы послушно отвалить на боковую и не мешать, ещё больше уперся очугуневшей башкой в ткань брюк.

– Уйдем отсюда? – прошу я в надежде, что на свежем воздухе мне полегчает и я смогу думать и говорить с ней о чем-то еще, кроме спаривания.

Брошенные мною на стойку купюры вызвали у бармена необъяснимый шквал эмоций. Радостно закивав мне, он завертелся как юла. Уже через минуту перед Миленой стоял высокий бокал с каким-то гламурно-розовым пойлом, а передо мной – очередной пузатый с чистым виски, даже неоскверненным льдом.

Пока моя белокурая красotka, сложив губы трубочкой, опустошала стакан, бармен подмигивал мне и улыбался, будто мы с ним старые друзья.

– Я готова!

Милена тряхнула кудрявой головой и, покачнувшись на своих шпильках, повисла на моей руке.

– Ты занимался боксом? – промурлыкала захмелевшая женщина, погладив мое предплечье.

Похоже, на свежий воздух пора не только мне.

– Это плоды отвязной юности, – с уже надоевшим мне хрипом ответил я, мазнув осоловевшим взглядом по пьяным серым глазам.

Даже вспоминать не хочется, что я только ни творил, в какие истории ни вляпывался. Благо штаб-квартира нашей банды находилась в полулегальном тренажерном зале, а не на коково-развесочной фабрике. Иначе я бы не накачался, а сторчался к своим тридцати двум.

Бродить по улицам в костюме пирата, созданном в состоянии, близком к неменяемости, я наотрез отказался. Тем более что ни вечерний воздух, ни звездное небо над нашими головами отрезвлению оных не способствовали.

– Папа считает, что во мне нет предпринимательской жилки... – продолжала щебетать Милена по пути на парковку, где меня ждал водитель на «Майбахе» деда. – Ты только не подумай, мой папа самый лучший! Но денег мне не даст.

– Жилка не главное. Но это решение действительно должно быть осознанным. Начинать бизнес очень трудно, это не работа по найму, где у тебя строгий график, выходные и отпуск. Рождение бизнеса, как рождение ребенка – сначала нужно очень много вложить сил и средств, прежде чем он окрепнет.

Остановившись в двух шагах от машины, Милена запрокинула голову, заглядывая мне в глаза, и с невероятно серьезным видом заявила:

– Ошибаешься. Главное, когда есть рядом человек, который в тебя верит. Вот тогда я хоть весь мир смогу завоевать. Одной рукой. Если... ты будешь держать за вторую.

В этот момент у меня окончательно что-то перещёлкнуло в башке. Никогда и никто не говорил мне таких слов. Эта невероятная женщина рвет все шаблоны. Ход её мыслей меняется

непостижимым для меня образом. О логике её действий я и вовсе задумываться не хочу. Не девушка, а убойное комбо.

Глава

4 Милена

Понятия не имею, какие именно звезды сошлись, какие планеты начали ретроградное движение, но сегодня со мной происходит что-то необыкновенное.

Словно невидимые нити тянут меня к нему. Никогда и ни с кем мне не было так легко. Настолько легко, что я поделилась своими самыми сокровенными мечтами по сути с незнакомцем. Как это бывает с попутчиками, судьба с которым сводит в дальней поездке.

Мало того, что я позволила себе выпить лишнего, так еще и непостижимым для моего разума образом оказалась в шикарнейших апартаментах Тима.

Едва за нами закрывается дверь, моё сердце начинает учащенно стучать. Я осознаю, что творю что-то совершенно безрассудное, собираясь переспать с первым встречным парнем, о котором знаю совсем немного и только с его же слов.

– Проходи, – слышится над моей головой.

Поднимаю взгляд вверх и заворуженно смотрю в орехово-карий глаз. Второй, я уверена, такой же красивый, когда не украшен свежим синяком.

– Мне нужно немного привести себя в порядок, никуда не уходи, – снова расплываются в улыбке губы Тима.

Кажется, моё откровенное разглядывание его развеселило.

Апартаменты производили впечатление. Оформленный по последним трендам интерьер гостиной утопает в рассеянном свете струящихся диодных светильников. Открытая зона небольшого кухонного островка, за скрытыми панелями которой наверняка наикрутейшая техника. В распахнутых двустворчатых дубовых дверях виднеется поистине царское ложе – высокая кровать с толстыми стойками балдахина. Явно из какого-то экзотического дерева, причудливые орнаменты на котором вырезаны вручную.

За огромным панорамным окном волшебные улочки центра, с брусчатым покрытием узких дорог. Невидящим взглядом я смотрела на неоновые вывески и думала о том, что еще не поздно остановиться. Просто уйти.

Но мне так осточертело жить по уставу. Делать то, что прикажут. И как бы я ни любила своих братьев, их гиперопека тоже уже достала.

Зажмурившись на секунду, я попыталась вытащить из эйфорического состояния часть женского мозга, отвечающего за благоразумие, но тщетно. Всё внутри меня кричало о том, что нужно остаться. Моя нерастратенная нежность требовала выхода. Мне до одури хотелось познать эту сладко-греховную составляющую жизни.

Слышу тихие шаги за спиной и распахиваю глаза в ту же секунду, когда на мои плечи ложатся широкие ладони. Пробежавшись подушечками пальцев по открытому плечу, Тим сдвигает мои волосы в сторону и касается горячими губами моей шеи. И я вновь чувствую покалывание электрических импульсов по телу.

Несмело откидываю голову ему на плечо, наслаждаясь прикосновениями и приятным запахом мужского тела. Это немного избавляет меня от переполняющего волнения.

Из ванной Тим вернулся с пластырем над левой бровью и почти открытым подбитым глазом.

– Ты нервничаешь? – растекается горячий воздух по моей коже. – В холодильнике есть вино.

– Да, мне немного... волнительно, – сознаюсь я.

Оставив пылающий след поцелуя на моей шее, Тим отходит в зону кухни и извлекает из винного шкафа бутылку и два бокала.

– В чем заключается твоя работа сейчас? – спросил Тим, протянув мне один бокал.

На подобные вопросы у меня заготовлено вранья вагон, но почему-то ему мне не хочется лгать.

– Вообще-то я еще учусь, последний курс. А подрабатываю в агентстве отца в свободное время. Охочусь за сталкерами и прочими маньяками, – неохотно ответила я, потому что разговоры о сборе и анализе вещественных доказательств с мест преступлений и последующей разработкой плана и ловлей преступника не совпадали с моим эмоциональным настроением сейчас.

На этот раз даже свежие ушибы не помешали густым бровям забраться на лоб. Так и не сделав ни одного глотка вина, Мохнатая Гора отставил свой бокал.

– Красива. Умна. Таинственна. Опасна, – походкой ленивого хищника приближался ко мне Тим, медленно произнося слова.

Крепленое вино ударяет мне в голову моментально и я успеваю лишь тихо пробормотать:

– У меня ещё никогда не было... этого. Ничего.

Перестаю дышать, вглядываясь в его глаза. В расширенных зрачках Тима вспыхивает изумление, которое очень быстро сменяет первобытный голод. Прав Бес – все мужчины в какой-то степени маньяки, поэтому агентство «Vorzz» без работы не останется.

– Я это исправлю, обещаю, – шепчет Тим, притягивая меня к себе.

Его длинные пальцы путаются в моих волосах, уверенно поворачивая к себе. Горячее дыхание опалает моё лицо и воздух вокруг нас густеет.

С моих губ непроизвольно слетел тихий стон, когда его пухлые губы обхватывают мои. Влажный, горячий язык исследует каждый миллиметр моего рта, и я не в силах больше сдерживаться, отвечаю ему. Тим издает низкий гортанный звук и еще крепче прижимает меня к себе. Моя кожа, не прикрытая тканью, моментально начинает гореть от соприкосновения с его крепким телом.

Мою голову моментально заволакивает беспросветно и я наконец-то отпускаю себя, перестав думать и контролировать происходящее.

Запускаю руку под его футболку и пробегаю пальцами по его животу. Твердый и очень горячий. В наличии восемь совершенных кубиков и убийственно сексапильные косые мышцы.

Не прекращая меня целовать, Тим резко дергает мой топ вниз, отчего кожа на груди начинает гореть. Твердые подушечки пальцев проводят по соскам, посылая сладкую дрожь по всему моему телу. За шумом в ушах еле слышу тихий стон Тима, когда он мягко обхватывает их и слегка тянет. От новых ощущений голова идет кругом, внизу живота вспыхивает обжигающе-горячим так сильно, что я стискиваю бедра.

– Ты очень красивая, – выдыхает Тим с хрипом.

Сильные руки опускаются на мои бедра и скользят под юбку, сжимая мой зад в эксклюзивном кружеве, в который я планирую нарядить каждую женскую попку планеты. Тим продолжает жадно сминать мою задницу так, что чувствую, какой он твердый и горячий даже через плотную ткань брюк. И мои уверенные знания анатомии подсказывают, что это не его айфон сейчас уперся в мой живот. Его возбуждение распалает меня еще больше. И все чего я сейчас хочу – принадлежать ему, довериться полностью и раствориться вместе с ним в этой сумасшедшей эйфории.

Наши движения навстречу друг другу настолько нетерпеливые, словно я ему нужна так же, как он мне сейчас. Беспорядочное движение рук абсолютно не контролируется разумом, подчиняясь только инстинктам и испепеляющему желанию. Мне хочется его трогать, слышать учатившееся шумное дыхание, острее чувствовать его запах и как подрагивает его кожа под моими ладонями.

Запускаю пальцы в густые пряди и почти не осознаю, как Гора, подхватив меня на руки, быстро несет в спальню. Жар его гранитного тела добавляет новую порцию волнения. Это случится прямо сейчас!

Мягко опустив меня на кровать, Тим сгребает футболку одной рукой. У него потрясающее тело. Широкие плечи, бугрящиеся мускулами руки, выраженные мышцы груди с мягкой порослью волос. Лично мне она кажется до безумия брутальной.

– Раздвесься для меня, Милена, – долетает до меня голос Тима сквозь шквал переполнявших эмоций.

Его голос насыщен сексуальным хрипом, он стал грубее, требовательней. И я беспрекословно подчиняюсь. Под гипнотическим взглядом полыхающих огнем черных глаз снимаю топ, дрожащими пальцами расстегиваю молнию на юбке, позволяя ей упасть на пол.

Мой взгляд прикован к неспешно обнажающемуся мужчине. А этот кобель знает, что он хорош! Ни намек на спешку или небрежность. Его движения плавные, уверенные и он совершенно точно не заморачивается, как его стриптиз смотрится со стороны.

Спустя пару секунд мне становится не до оценки его несокрушимого эго. Всего один шаг. Твердый, широкий, уверенный. Новые волны запаха его тела обволакивают, снова отключая сознание.

Вздрагиваю словно от удара током, когда его обнаженная кожа касается моей груди, и по ушной раковине растекается:

– Ми-ле-на...

– Ты самое прекрасное создание на земле, – произносит Тим, опалая мое лицо горячим дыханием.

Тим нежно шепчет моё имя, прокладывая влажную дорожку языком по моей шее. Неожиданно с его уст слетает пара крепких выражений на английском, от которых у меня начинают гореть щеки и хочется свести колени.

– Скажи еще, – прошу я, чувствуя, как горячая кровь растекается от живота по бедрам.

Тим слегка приподнимает бровь и сильнее сжимает мои бедра. Мимолетная улыбка трогает уголок его губ.

– Ты точно настоящая? – насмешливо спрашивает Тим, обвивая мою талию и мягко опрокидывая на кровать. – Знай ты, сколько грязных вещей я хочу с тобой проделать, ты бы уже сбежала, малышка.

Хватаю широкие плечи, будто боюсь снова остаться без его тепла. Тяжесть нависшего тела надо мной и мерцание черных глаз под длинными ресницами пробуждают внутри что-то безудержное, первобытное. Сама тянусь к его губам, желая снова почувствовать его вкус, ощутить покалывание густой бороды.

Поцелуй становится глубже, от напора его губ и языка, дрожь молниями разносится по телу. Внутри нарастает тянущее напряжение, готовое взорваться в любую секунду.

– Расслабься, малышка, ты совершенна до кончиков пальцев, – требовательно хрипит Тим, опуская рот на мою грудь.

У меня нет проблем с самооценкой, но из уст мохнатого любой комплимент звучит иначе. И ему действительно нравится на меня смотреть. Жадно, с лихорадочным блеском в глазах, который врать не может.

Откровенность ласк зашкаливает. Мучительно долго Тим облизывает соски, обводя их и покусывая, заставляет меня выгибаться дугой. Я вся покрыта мурашками то ли от покалывания его бородой, то ли от запредельных эмоций.

Все как в тумане. Одна волна наслаждения сменяется другой, и я не хочу, чтобы это прекращалось. Хочу испытать все до конца.

Тим скользит губами ниже, кружит у впадины пупка, покрывает поцелуями бедра и проникает пальцами под узкую полоску шелка. От моей попытки их свести переходит на утробное рычание:

– Пусти меня! – и раздвигает мне ноги.

Воздух вокруг становится плотнее, звуки моих стонов громче, едва он касается моей плоти. Что-то огромное зреет во мне вместе с настойчивыми движениями его языка. Жар в моем теле достигает градуса, когда мне кажется, я расплавлюсь как масло на раскаленной сковороде.

– Боже! – вырывается прямо из моих легких и я вцепляюсь в простыни.

Меня разрывает от безумных ощущений, до ломоты скручивает ступни и я кричу. Не в силах сдержаться, извиваюсь в его руках. Перед глазами все мутнеет. На мгновение зажимаю глаза и осыпаюсь на простыни.

Не успеваю прийти в себя, как матрас рядом пружинит, а висок щекочет горячий воздух:

– Ты невероятна, – шепчет Тим.

Слышится звук рвущейся фольги, и следом за ним между моих ног упирается тяжелая эрекция.

– Посмотри на меня, Милена.

Расширенные зрачки Тима полностью перекрыли ореховую радужку, с приоткрытых губ слетает рваное дыхание.

Каждым нервным окончанием я почувствовала напряжение. В разы сильнее заискрило, кожу, где мы соприкасаемся, будто лижут языки пламени. Во мне просыпалась какая-то совершенно незнакомая женщина. Она была гораздо слабее меня, но в то же время свободная и раскованная.

Черные глаза, будто гипнотизируя переполненным похотью взглядом, обожгли мои губы. Мысли в моей голове замедлились, окутались жарким туманом, кипящей воронкой закручивающегося и внизу живота.

Мечущийся по моему лицу взгляд, будто Тим хочет убедиться, что я не передумала. Короткий глухой стон вместе в ворвавшимся в мой рот языком и первый резкий толчок, разорвавший мой мир на до и после.

Как и все хорошее в жизни, эта ночь закончилась слишком быстро, и её было безумно мало.

Вместе с растворяющимся в лучах восходящего солнца полумраком комнаты исчезла и «шальная императрица Милена». Выветрилась вместе с алкоголем, уступив место растерянной новой женщине, отважно и совершенно безрассудно вступившей в ряды осчастливленных оргазмом женщин.

Лохматый чародей, так легко вчера околдовавший меня, спал, развернувшись ко мне своей широченной спиной. Мысль, что он проснется и увидит меня в растрепанном виде, погнала меня в ванную, где я зависла на целый час. По большей части разгоняя похмельных тараканов, стыдивших меня за эту ночь, и паникуя, что для Тима это был просто очередной клуб, очередной бар и очередная девушка на одну ночь.

Даже если так, эта ночь была самой волшебной, самой удивительной и восхитительной в моей жизни. Несмотря на то, что Тим не пощадил меня на первый раз и не остановился после первого фейерверка, все же он был бесконечно ласков и осторожен со мной. Хотя в его глазах яростно бушевало пламя, требуя не тратить время на всякие нежности, он сдерживался, срываясь лишь в последний момент.

Обернувшись полотенцем, я вернулась в царскую спальню, где помимо гигантских размеров кровати вся мебель была словно вывезена из королевской опочивальни.

Тим всё так же безмятежно спал и, чтобы избежать утренней неловкости, можно спокойно сбежать. Вот только бегать не в моем характере, несмотря на смятение в душе и некоторую неуверенность.

Приблизившись к кровати, я практически невесомо провела ладонью по его спине и уже открыла рот, чтобы позвать его, но так и застыла. Вся спина Тима была испещрена тонкими шрамами. Они очень старые, давно зарубцевавшиеся и имеющие более светлый оттенок кожи.

Но даже моего образования не нужно иметь, чтобы догадаться, что они появились не сами собой.

– Доброе утро, красавица, – сонно прохрипел Тим, немного приоткрыв здоровый глаз.

– Мне пора бежать на службу, – пробормотала я, чувствуя, как щеки снова начинают гореть.

Мышцы горы тут же пришли в движение, группируясь перед захватом. Моих навыков хватило бы остудить пыл самца, но кто я такая, чтобы мешать охотничьим замашкам мужчины?

Позволив затянуть себя обратно на кровать, я даже пискнула в полете, вцепившись в широкие плечи. Оказавшись добровольно уложенной на лопатки, я с волнительным трепетом заглядывала в чернеющие глаза нависшего надо мной мужчины.

– Ты не можешь оставить меня с ним наедине, – притворно свел брови Тим, и в мое бедро уперлась тяжелая, горячая эрекция.

Последовавшие нежные поцелуи в шею и жаркое дыхание спровоцировали целое цунами мурашек. И я бы с удовольствием осталась бы и на день, и даже на всю жизнь, если бы в его глазах было еще что-то помимо животной страсти. А так... как говорит моя подруга Санька: «Самое главное – наживкой не накормить досыта».

– Это была самая чудесная ночь в моей жизни, но мне действительно нужно идти, – прошептала я, оттянув за лохматые вихры искусителя.

– В моей тоже, малышка. Самая потрясающая. Поужинаешь сегодня со мной? – нехотя откатившись на край кровати, спросил Тим.

Повернувшись ко мне крепкими круглыми булочками, Тим неспешно натянул брюки на голый зад и, расправив по-королевски плечи, двинулся провожать меня к двери.

Дорога на машине Тима с его водителем до базы «Vorzz» заняла больше часа. Только я в своих мыслях этого времени и не заметила. Улыбаясь как ненормальная, глядя на пролетающие пейзажи словно с туманной пеленой на глазах.

У въездных ворот меня уже ждал папа. Широко расставив ноги и сложив руки-базуки на груди, смотрел своим фирменным прищуром, как я выхожу из незнакомой машины во вчерашнем маскарадном костюме. Перекреститься не помешает.

Счастливое сияние моих глаз сегодня не затмило бы и солнце, и уж тем более его невозможно было скрыть от моего пронизательного папули. Поэтому я и не пыталась, буквально впрорхнув в любезно открытые ворота.

– Здравия желаю, Александр Вареньевич! – намеренно извратила я его отчество, как делает мама, когда папа сердится. – Что с настроением?

Обрисовав в воздухе его хмурую моську, поинтересовалась я, будто не догадываюсь о причине его недовольства.

Оглядев меня с пучка на голове и по самые шпильки, папа съязвил:

– В восторге от твоей боеготовности, боец! Через пять минут оперативка, потом выезд! Ты на этих шпильках по грязным котлованам скакать будешь?

Судя по настроению дорогого родственника, допрос с пытками отложен, но не отменен.

– На них, родимых. Авось нефть найду, если топну посильнее, – оскалилась я в ответ, вышагивая рядом с отцом в сторону казармы.

Мой папа обладает впечатляющей репутацией, и его авторитет был непререкаем, поэтому все бойцы, попадавшие навстречу, вытягивались в струнку, приветствуя своего командира. Я же лучезарно улыбалась, чувствуя, как внутреннее тепло прошедшей ночи словно бронь рикошетит от меня любые негативные эмоции.

– Надеюсь, я так же буду улыбаться, услышав доклад о твоих ночных приключениях, Милена, – грозно скосил на меня глаза папа, отворяя дверь.

Возможно, он и рапорт бы запросил с подробным описанием, но неожиданно в жизнь нашего агентства, состоящего сплошь из высококвалифицированных и вымуштрованных бойцов, ворвалось нечто.

Это нечто было ростом метра два, в белых ночных кальсонах и домашних пушистых тапочках. Небрежно перекинув полотенце через тощее плечо и громко попивая кофе из большой кружки, этот поистине храбрый боец ограничился только скупым:

– Здравсте, – и, шаркая тапочками, продолжил нести тяготы и лишения с непоколебимой стойкостью и хладнокровием.

Папа, никогда не видевший такого, мягко говоря, был шокирован. Так, что пару раз моргнул своими пушистыми ресницами, словно отгоняя видение.

Мой братец Мирон появился как раз вовремя, успев пресечь превышение полномочий командира в воспитательных целях.

– Что это за самородок? – гаркнул Александр Борзов, излучая килотонны гнева из глаз цвета грозового неба.

– Герман Дубов. Макар его нашел, говорит, ценный кадр, – спокойно ответил Мирон, даже ухом не повел на папин рык.

Появление Германа в нашем сплоченном коллективе было ярким и впечатляющим для всех, кроме меня. Я витала в облаках до окончания оперативки, прослушав львиную часть информации.

В моей голове напрочь застрял один бородатый парень. Тело охватывало жаром только от воспоминаний его прикосновений. Горячей, гладкой кожи оливкового цвета, мягких вкусных губ, жадных рук и пылающего взгляда.

Глава 5 Тимур

Ощущения с утра были странные. Не считая взлома собственного кабинета, вроде ничего необычного не произошло прошлым вечером. Отчего же тогда я чувствую себя заново родившимся? После ночи практически без сна, во мне будто цистерна энергетика.

Будто не с красавицей ночь провел, а напился в стельку и, на всей скорости врезавшись в стену, обнулился. Совсем недавнее прошлое, жизнь в Лондоне, бизнес и невеста стали будто из параллельной вселенной. Воспоминания покрылись серым туманом, мелодичным смехом русской красавицы.

Уже не вызывал удивления «Сюртук», как я мысленно называл семейного доктора, не запомнив его имени. Пока он возился с моими травмами, дед продолжал вводить меня в курс своих дел.

– Кожгалантерейную фабрику я продал, она давно стала убыточной. Клуб тоже едва держится на плаву, можешь и его продать. Доходов, что приносят торговый центр «Царские ряды» и склады, хватит и тебе, и твоим правнукам. Хотя и с ними возни хватает.

Борис продолжал вещать и когда «Сюртук» отклонялся, а его место занял цирюльник, вполне, кстати, современный. В то время, что он приводил мою бороду в порядок, дед в прямом смысле забивал мне голову огромным количеством информации, быстро переварить которую я сейчас был не в состоянии.

– Клуб продавать не буду, есть у меня несколько идей, как сделать из него топовое заведение.

Еще в студенческие годы мой самый близкий друг Энтони Паркер открыл самый бомбический клуб на роскошном горнолыжном курорте Сант-Мориц. И я принимал непосредственное участие на всех этапах планирования и дальнейшей работе. До тех пор, пока одна двулика дрянь не решила оборвать жизнь Энтони ради одного миллиона долларов и шикарной квартиры в деловом районе Лондона.

– Дело твое, Тимур, – по-доброму, но при этом хитро прищурил глаза Борис.

Да уже и мне самому понятно, что отказываться я уже не собираюсь. Ни от наследства, каким бы проблемным оно ни было, ни от возможности чаще приезжать в Москву.

Еще недавно я считал, что не хочу больше перемен в жизни – хватило с лихвой. Но, оказывается, всего одна встреча способна заставить нас изменить любое, даже самое железобетонное, решение.

Только к вечеру дед выдохся и пригласил меня разделить с ним ужин. В доме Бориса работает около дюжины домашнего персонала, и его режим отлажен, как швейцарские часы.

– Дед, можешь порекомендовать хороший ресторан у вас в городе? – уплетая добрую порцию тушеных овощей с форелью, приготовленной на гриле, спросил я.

Кухарка, хлопотавшая вокруг нас, схватилась за сердце и побледнела, словно проиграла в кулинарной битве века.

– Разумеется, вкуснее, чем дома, я найти ничего не рассчитываю. Мне нужно встретиться с одной знакомой, – поспешил я добавить, дабы Сюртуку не пришлось снова тащить сюда свой саквояж и откачивать бедную женщину.

– Я тебе скажу одну вещь, только ты не обижайся, Тимур. Все Царевы были однолюбам и от своих женщин на сторону не бегали. Измены – удел слабых и глупых, не способных разобраться в себе и своих отношениях. Я видел твою невесту Холли. Не могу сказать, что она произвела на меня приятное впечатление, слишком... фальшивы эти ваши евро-улыбки. Но, раз ты определился, раз готов жениться, то не распыляйся. Красивых женщин будет еще много – но настоящая, верная, любящая только одна.

Давно я отвык от нравоучений, тем более был не готов услышать их от того, кто сам в моей жизни нарисовался двадцать лет спустя. Спорить я, конечно, не стал, тем более просвещать деда об истинной роли Холли в моей жизни. Узнай он, на что я подписался, его хватит очередной микроинсульт.

Порывшись в интернете, я выбрал один из самых дорогих ресторанов Москвы и, забронировав там столик, позвонил Милене.

Вчерашние ощущения необъяснимой радости и легкости тут же начали распирать меня, едва я услышал её голос.

– Привет, подельник! Я уже и не ждала твоего звонка, решив, что ты меня обманул. Начала уже размышлять о наказании, ведь лжи я не прощаю, – весело прощбетала Милена, но за её болтовней все равно были слышны несколько мужских голосов.

Где её носит в такое время? Что значит, звонка не ждала? Я за этот день телефон отполировал до зеркального блеска, постоянно крутив его и думая позвонить.

– Я забронировал столик в Ля Морис на девять вечера, куда за тобой приехать? – прервал я её бессмысленный трёп.

– Я сама доберусь, буду к девяти тридцати, – быстро ответила Милена и отключилась.

Накатывающее внезапно раздражение от ее самостоятельности и нежелании говорить свой адрес, приправленный целым гулом мужских голосов на заднем фоне, стало ещё одним любопытным и новым для меня чувством.

Я словно сам себе подопытный, внимательно прислушивался к собственным ощущениям. Эта щекочущая внутренности эйфория, не оставлявшая меня ни на минуту сегодня, сменилась первыми признаками ревности. Добавилось и волнение от того, что Милена не торопится впустить меня в свою жизнь, несмотря на то, что я стал её первым!

Это очень странно. Безумно странно. Но оттого и смертельно интересно.

Ожидая Милену в ресторане, я от скуки глазел по сторонам, разглядывая контингент. Публика в ресторане была из высших слоев общества. От лоска, блеска и приторности улыбок аппетит пропал. Синим воротничкам тут перекусить явно не по карману. Если бы не старания барбера и Сюртука, меня бы сюда не пустили, несмотря на фешенебельный костюм и дорогие аксессуары.

Неудивительно, что среди посетителей были пары, чьи отношения построены на взаимовыгодных условиях. Молодые содержанки, ограниченность интеллекта которых видно невооруженным взглядом, и их так называемые «сахарные папики». Где она послушная, безропотная кукла для его извращенных фантазий. А он с лихвой оплачивает её старания и необходимость «играть» в любовь.

Все папики насквозь видят ужимки и уловки своих дам, выпрашивающих подарочки, но вида не подают. Легко соглашаясь на покупку очередной машинки или отдыха на дорогостоящих курортах, предвкушая благодарность в интимной валюте. И парочка за соседним столиком была тому подтверждением. Совсем молоденькая женщина хлопала наращенными до лба ресницами и капризно кривила перекаченный до состояния разварившихся вареников большой рот.

Находясь в таком элитном заведении, нехотя настраиваешься на светскую беседу со своим визави и ожидаешь на свидание даму в элегантном вечернем туалете и прочих атрибутах, кричащих о статусе и роскоши.

Потому при первом мимолетном взгляде на подошедшую блондинку я оторопел и не сразу встал навстречу, как это полагается. Выглядела Милена так, что даже мой опухший глаз выкатился – высокие армейские берцы на шнуровке, черные брюки-карго с карманами, тоже, похоже, для тактических работ, и белая майка в обтяжку на лямках. Под которой просвечивается единственное, что не относится к камуфляжу, – роскошная грудь в кружевах. Охренеть, Лара Крофт, сражающая наповал одним своим видом.

– Ёжики пушистые! Ты что, Бенджамина Баттона покусал? Выглядишь лет на десять моложе, чем вчера! – вместо приветствия говорит Милена, обнажая ровный ряд белоснежных зубов в улыбке.

– Благодарю за комплимент, Малышка. Ты, как и вчера, выглядишь... убойно, – усаживаю девчонку за стол, находясь еще в шоковом состоянии.

От Милены не ускользнуло мое кратковременное замешательство, и я убедился, что ее пронизательность мне вчера не померещилась.

– Тебя смущает мой наряд?

Откинувшись на спинку кресла, я отлепил взгляд от упругих мячиков и метнул негодующий взгляд в стальные серые глаза.

– Меня злит, что ты свое кружевное оружие не прячешь, как это положено. В кожаную кобуру, а еще лучше в титановый сейф!

Мое лицо Милена изучала дольше, чем меню, и даже заказ делала официанту, не отрывая от меня взгляда.

– Не успела переодеться, только вернулась с места обнаружения тела жертвы, – пожав плечами, спокойно пояснила Милена.

Её ответ не был похож ни на оправдания, ни на насмешку над моим приступом ревности. Просто спокойное пояснение, как мягкая пена покрывающая и гасящая мои негативные эмоции.

Обсуждать за ужином работу Милены, связанную с отвратительными преступлениями, – только аппетит портить, поэтому я сам перевел тему на её любимую:

– И это мне тоже не нравится. Твоя опасная работа. Заниматься продажей женских штучек действительно лучше.

Милена затрещала, рассказывая, насколько она все продумала до мелочей, а я снова мало слушал. Мои мысли были заняты абсолютно другим. Рядом с ней я превращался в похотливого, ненасытного и особо озабоченного. И когда дело дошло до десерта, я уже едва не выпрыгивал из штанов, глядя на белый крем пачкающий ее губы.

– ...потом найду торговую площадь и... – доносятся до меня слова Милены.

– В Торговом Центре «Царские ряды» есть место. Там подходит? – перебиваю я девчонку, вспомнив на жалобы деда по поводу нескольких арендаторов.

– Это даже круче, чем в ЦУМе, но там слишком дорого для меня. К тому же я еще не накопила стартовый капитал, – поясняет Милена, и в этот момент она совсем не похожа на кланчащих подарки девиц, но я веду себя как настоящий сахарный папик.

– Насчет площади я договорюсь. Стартовый капитал тоже у тебя невелик по меркам Британии. Я на благотворительность трачу больше.

Милена застыла с ложкой у рта, округлив на меня глаза, будто не верит в услышанное. Честно говоря, я прежде считал себя рассудительным и здравомыслящим. Но сделав такое предложение девчонке, которую знаю меньше суток, начал сомневаться в собственной адекватности. Учитывая обстоятельства нашего знакомства и последующие приключения, вовсе хочется обратиться к психиатру.

Уверен, что на этот шаг меня толкают далеко не благородные намерения избавить Милену от необходимости работать в агентстве отца. Но твердость моего желания помочь, можно сказать, незнакомке не оставляет выбора.

Невероятная болтушка Милена молчала уже несколько минут, сканируя мои внутренности взглядом. Вот и пригодилась мне моя стрессоустойчивость, тренированная годами непростой жизни.

В этот момент я осознал, что впервые в жизни я очарован не внешностью, не воспитанием и манерами и даже не эрудированностью женщины. С того самого первого взгляда я безвозвратно увлечен её фантастическими серыми глазами. От искрящегося серебристого

смеха в первую встречу до решительного, жесткого и сосредоточенного, как сейчас. Во взгляде Милены словно сокрыта непредсказуемая сила, способная на вещи, выходящие из стандартного миропонимания. Магия взгляда на максималке.

Я тоже молча и спокойно пил свой кофе, откинувшись на спинку кресла, и размышлял о ней. Раньше меня не беспокоило молчание моих спутниц, более того, заткнувшийся фонтан бессмыслицы некоторых даже радовал. Но Милена сметает и этот стереотип. Эта блондинка умна, а молчание умной женщины способно вызвать панику у любого. Менее терпеливый мужчина на моем месте уже бы принялся убеждать и склонять к нужному выбору, что в случае с Миленой было бы фатальной ошибкой.

– Ты настолько доверчив, что готов вложиться в бизнес первой встречной, или рассматриваешь это как благотворительность? – первой не выдержала Милена, чему я мысленно усмехнулся.

– Я бы не достиг ничего в жизни, будь я столь расточителен, Милена. Почему бы тебе не поверить, что мне действительно нравится твоя идея, и я рассматриваю эти инвестиции, как пилотный проект? – ни на секунду не меняя расслабленной позы и заинтересованного взгляда, твердо ответил я.

Очаровательный детектор лжи все еще выжигал мне дыру в переносице. Возможно, я ошибаюсь, и лучшее применение этим мозгам действительно в криминалистике.

– А дивиденды, видимо, ты будешь брать натурой? – одарила Милена меня хищным прищуром.

– Всё же женщины существа неземные. Никогда не угадать, куда повернут ваши мысли в следующую секунду. Мне важно не потерять с тобой связь и, как мне кажется, совместный проект этому очень поспособствует, – не собиравшись я колоться так легко, несмотря на то, что Милена решительно прыгнула на тонкий лед.

– Угу. Из космоса прилетели, миллионы лет назад, – потеплел взгляд Милены.

– Так и знал, что не было никакого метеорита. Это просто вы так припарковались, – хмыкнул я, празднуя свою победу.

Разумеется, она сама себя загнала в эту ловушку, поделившись со мной своими планами и мечтой. Тем не менее, это не исключает того, что у меня почки откажут в тот день, когда эта ведьма сероглазая узнает о моей маленькой лжи.

К тому времени как благопристойная часть вечера подошла к концу, мой мозг уже начало припекать. И вовсе от бесконечной болтовни Милены – её слушать, как ни странно, мне нравилось. Особенно рассказы о преступлениях, которые удалось раскрыть не при помощи мощнейших новых технологий, а по незначительным, казалось бы, не имеющим важности деталям. Если бы такой детектив вел расследование дела Энтони, возможно, смог бы доказать причастность Холли к смерти Паркера.

Кровь кипела в венах от того, что с каждой минутой становилось всё труднее сосредоточиться на диалоге, да и вообще на чем либо, кроме её алых губ, тонкой белой шеи и колыхающейся груди. С ума уже схожу от желания вновь овладеть ею, почувствовать сладковатый вкус и вдоволь насладиться роскошными формами.

Фантастически волшебный вечер обещал перейти в еще одну незабываемую ночь. Но когда мы уже ждали счет, собираясь уходить, в зал ресторана вошли три типа. Двое из них были одеты в форму местной полиции, третий от обычных граждан отличался только очень высоким ростом и при этом худым телосложением.

– Просим оставаться всех на местах и приготовить документы к проверке! – громко гаркнул длинный и худой.

Милена обернувшись на секунду, тут же повернула голову к окну и с недовольством пробормотала:

– Клоуны! Тим, нам нужно уходить.

Проследив за ее взглядом, я узрел на улице двух парней, непринужденно коптящих небо. Один из них стоял ко мне спиной и разглядеть я его не мог, а вот типа в капюшоне узнал мгновенно. Тот самый, что неделю назад вырубил меня в лесу.

Первым желанием было потребовать у Милены объяснений происходящего, но рисковать я не стал. Она же чокнутая, потащит меня сейчас выбираться через служебный выход или окно женского туалета.

– Слава, выведи нас, – коротко бросил я в трубку теперь уже своему собственному водителю и охраннику.

Услышав мой приказ, Милена сморщила носик и обреченно уронила голову на подставленные ладони.

– Это плохая идея, Тимошка, – вздохнула девчонка.

– Разберемся, – бросил я купюры на стол, вставая и помогая встать своей спутнице. – Как ты меня назвала? Тимошка?

Вячеслав махнул какой-то корочкой представителям власти и спокойно распахнул двери ресторана, выпуская нас на улицу. Убойный капюшон-невидимка и его напарник все так же расслабленно стояли у байков и смотрели в нашу сторону сквозь зеркальные очки-авиаторы. Какие-то они одинаковые и идеального телосложения, словно их, как роботов, на одном заводе клепали.

– Даже не думайте, понятно? – будто знает их намерения, с вызовом произнесла Милена, вцепившись в мой локоть.

Потом передумала и схватила за руку. Еще раз передумала и, повернувшись, демонстративно прильнула к моим губам.

Чувствую, что меня нагло используют в непонятных целях, но Тимошка возражать не желает.

Положив ладонь на узкую талию, я притянул мою сказочную девочку к себе ближе и едва не заскулил от радости. Соскучился по её поцелуям, словно век не виделись. Пожалуй, этот поцелуй был слишком горячим. Особенно для меня, не привыкшего к таким откровенным ласкам на публике.

– Тимми, расскажешь нам, как поживает твоя невеста Холли? – заданный одним из типов вопрос, словно выстрел в спину, мгновенно остужает мой пыл.

Еще подернутый пеленой взгляд Милены беспомощно ищет ответ в моих глазах. Не теряя и секунды времени, заталкиваю Милену в машину и ныряю следом, захлопывая дверь. Боковым зрением слежу за парнями, но они и с места не сдвинулись. Мельком заметил и ухмылку капюшона. Крутанув языком зубочистку и загнав ее в угол рта, он насмешливо растянул губы. От этого оскала по спине пробежал холодок. Не потому что он меня напугал, а потому что он выглядел так, будто я добровольно прыгаю в ловушку.

Парни проводили увозящий нас автомобиль взглядами, вроде не планируя преследовать.

Повернувшись к Милене, встретился с еще одной ультра-опцией её серых глаз. Решительный, леденящий душу взгляд впился и удерживал, словно колючая проволока. Капюшон оказался прав, я действительно почувствовал себя в капкане.

– Поясни, – тут же начался допрос.

– Все в порядке, Малышка, – взяв её холодную ладошку в свои руки, заверил я.

– Какой универсальный и бесполезный ответ, – иронично выгнула брови Милена.

– Спрашивай, – вздохнув, разрешил я, сомневаясь, что найду правильные ответы.

Рассказать ей всё я попросту не могу. Слишком многое на кону. Слишком многое уже сделано.

– Невеста Холли действительно существует?

Существует – не то слово. Живет припеваючи и ни в чем себе не отказывает, транжиря огромные страховые выплаты за смерть Паркера.

– Я взрослый мужчина. До встречи с тобой у меня была жизнь, Милена.

– Ты солгал мне? – настойчиво переспросила Милена, впрочем, сомневаясь лишь потому, что осознавать собственную доверчивость неприятно.

– Все совсем не так, Милена! Холли была девушкой... женой моего лучшего друга. Я и знаком с ней не был, только на свадьбе видел. А спустя неделю мой друг трагически погиб, – впервые заговорил я об Энтони с посторонним человеком.

Это совершенно на меня не похоже, но я уже махнул рукой на все странности моего поведения рядом с этой женщиной.

– И что? Его жена досталась тебе по завещанию? Ты явно юлишь и уходишь от ответа, Тимми! – безапелляционно приговорила Милена, будто очередного маньяка на допросе пытается расколоть.

– Я не могу рассказать тебе все сейчас, Малышка. Просто поверь мне.

Еще один бесполезный набор слов. Кто вообще способен просто поверить? Особенно уличив во лжи.

Мои попытки уйти от прямого ответа и так говорят сами за себя, но для полного провала, конечно же, вмешался закон подлости. Телефон в моем кармане начал трезвонить без остановки. Можно было выключить, не вынимая его из кармана, но мой сыскарь в юбке уже прочла имя на смарт-часах.

– Ответь, наверное, что-то важное, раз так настойчиво звонят.

Отвечать в присутствии Милены очень не хотелось, но непривычная настойчивость Холли давала пищу тревожным мыслям.

– Тимми! Ты что, совсем одичал там? До тебя невозможно дозвониться! – принялась пилить меня Холли.

– Я занят. У тебя что-то срочное? – впервые так холодно я позволил себе ответить Холли, но ситуация меня раздражала и притворяться хорошим парнем не было настроения.

– Твои родители в госпитале!

Нотки обиды и недовольства в голосе Холли пролетели мимо, я мгновенно похолодел от услышанного.

– Что случилось?

– Я не знаю. Помощь вызвали соседи, найдя обоих в бессознательном состоянии. Врачи мне ничего не могут сообщить, так как я не родственница, приезжай и разбирайся.

– Да, конечно. Сегодня же вылечу. Спасибо, милая, – пробормотал я, отключая вызов.

Я вновь ощутил, как на меня надвигаются каменные стены. Так всегда бывает, когда выбивающие из колеи события начинают рушиться на мою голову одно за другим. Затылок адски скрутило, и к вискам будто прижали раскаленное железо.

– Боже... какая же я дура, – будто сквозь толщу воды слышу голос Милены. – Остановите, пожалуйста, здесь.

Уже громче произносит она водителю. Хрупкая ладонь покидает мою руку и серебристый взгляд перестает сверлить мое лицо.

Нахмурившись, я наблюдаю, как девчонка гордо покидает салон автомобиля, не оборачиваясь на меня и не сказав больше ни слова. На каком-то пустыре, где до ближайших домов километра три топать.

Обычная женская блажь – убежать из машины на пустынной дороге в глухом месте и, обиженно надув губы, ломать каблучки, ожидая, когда за ней вернутся и начнут умолять сесть в машину.

Понимая это, я должен был захлопнуть и дверь и эту историю навсегда. Но вместо того, чтобы сломя голову мчаться в аэропорт, я вышел следом за Миленой.

– Все что я сказал тебе той ночью, правда, – громко произнес я, особо не рассчитывая, что Милена остановится.

Но она остановилась. И, обернувшись, ждала, когда я пройду несколько шагов до неё. Черт побери, я не понимаю, зачем я это делаю, но я продолжаю приближаться к этой супервумен.

Каждый шаг давался с трудом. Боль перешла уже на пульсирующую, постепенно захватывая новые участки головы.

– Не дури и вернись в машину. Даже если ты не хочешь меня больше видеть, добраться нормально до дома это ведь не мешает?

– Слушай, я не хочу выяснять отношения... Да какие отношения? Мы знакомы всего один день! Я сама виновата, развесила уши и поверила очередному похотливому самцу, который приперся в клуб, чтобы подцепить девушку на одну ночь! Можешь с чистой совестью проваливать на все четыре стороны! Ясно? Счастливого пути и приветтики милой Холли! – в сердцах выпалила Милена.

Как будто бы почти всё верно сказала, а осадочек неприятный.

– Я был заросший, небритый и в лохмотьях! Сомневаюсь, что в таком виде можно привлечь вменяемую самочку, – выудил я несоответствие в её бурной речи.

Не планировал я никого цеплять! В моей жизни и без этой сумасшедшей девчонки места для большего экстрима не осталось!

– А вменяемую у тебя и не вышло! – рявкнула Милена, гневно сверкнув глазами.

В эту же секунду небо начало темнеть, затягиваясь тяжелыми грозowymi тучами. Если и случится на планете апокалипсис, я знаю, серые глаза какой ведьмы в этом винить.

– Боже, я идиотка! Поверила в твою искренность!

Не могу похвастать, что детально помню все, что говорил ей в ту точь в клубе. А вот бесконечно волшебные ощущения необъятной эйфории, то чувство, что целого мира нам мало, отложилось в памяти навеки.

– Ты же отличный профайлер, маньяков вычисляешь из сотни подозреваемых, неужели на мой счет ошиблась?

Проваливать бы мне действительно в аэропорт, но ноги как вросли в эту окаменевшую землю. Даже жжение в глазных яблоках не мешает мне любоваться на эту женщину.

Безумно красива. С горящим адским пламенем обиды и гнева в глазах, в облаке собственных шелковистых локонов, которые ветер беспощадно треплет.

– Значит, не такой уж первоклассный, раз такой кобель как ты смог меня обмануть! Когда ты мне говорил о семейных ценностях, о взаимоуважении и моногамии, я решила, что ты из редчайшего типа мужчин! Особый, которых осталось пять процентов на всей земле! Все остальные страдают инфантилизмом, эгоизмом или мудизмом разной степени.

Я и в ту ночь понял, что меня выбрали из миллионов. Как не понять. Но только сейчас осознал, что, оказывается, приложил к этому немало усилий. Что-то там говорил правильное, наверное. Черт, голова вот-вот взорвется на миллиарды наномолекул.

Вдалеке показались три фигуры на мотоциклах, и не нужно быть вундеркиндом, чтобы понять, кого там черти несут. Выяснение отношений при третьих лицах нравятся исключительно людям с расстройством личности, поэтому я поспешил к главному.

– Ты меня не слушала, Малышка. Совсем не слушала. Повторю – я не хочу терять с тобой связь. Ты права, мы пока недостаточно знаем друг о друге. Предлагаю это исправить.

Это был тот самый момент, когда мужчина готов сделать и сказать что угодно, лишь бы удержать рядом понравившуюся особь женского пола.

Решительно шагнув к Милене, сгреб её в свои лапы, надеясь убедить старым проверенным способом.

– Что ты несешь? У тебя невеста в Лондоне! А я не расцарапала твой аристократичный профиль лишь потому, что не хочу иметь твою ДНК даже под своими ногтями! Руки уберу, олень!

Твердый удар кулаками в грудь я практически не почувствовал. В пекле личного ада в голове, происходящее вокруг мало пробивалось сквозь все нарастающий гул.

К персональным взрывам в моей голове добавились и звуки рычания тяжелых байков. Они кружили неподалеку от нас, но не приближались. И, не глядя в их сторону, я уже знал, кого черти принесли, и то, что мою девчонку заберут по первому требованию, выводило меня еще больше.

Пока она была одна на пустыре, чувство страха потерять её навсегда даже не маячило. Сейчас же, окруженный этими волками, я, словно загнанный зверь, готов был защищать свою добычу. Вот только добыча против.

– Отпусти меня! – раздался на ухо тихий рык, мягкий, кошачий, но злой.

Чудом успел переловить взлетающую руку, и Миленка влетела в меня, ударившись грудью в грудь. Тугой заряд электричества тут же пронесся по хребту, в ширинке становилось заметно тесно.

– А если я не могу? – хрипом зазвучало в ответ. Не только ей, но и мне. Не могу.

– Маньяк озабоченный! – улетучилась и сдержанность и интеллигентность моей бестии, видимо, почувствовав горячую радость встречи своим животом.

– Согласен, – шепчу я, заглядывая в еще недавно мечущие молнии глаза.

По хрупким предплечьям тут же рассыпаются мурашки. Эта девчонка буквально тает в моих руках, из смелой и сильной львицы мгновенно превращаясь в трепетную лань. И это сводит меня с ума. Ее отзывчивость и осознания моей власти над ней, одним прикосновением.

– Ненавижу тебя! Ненавижу! – упрямо твердит Миленка, осыпая мои плечи ударами.

– Малышка, послушай! Все совсем...

– Не хочу я тебя больше слушать! Всё! Достал! Исчезни нафиг в своих туманах там и не появляйся в моей жизни никогда! – словно нож в сердце вонзила, зараза.

Буйство эмоций сносило на своем пути все, как цунами. Я чувствовал, что судьба-злодейка таки подкинула мне испытания чувствами, о которых я когда-то грезил. Но, естественно, в тот самый жизненный момент, когда попросту невозможно взять эту сумасшедшую девчонку и окунуться в омут с головой.

Отчаянные попытки вывернуться из моих рук привлекли внимание ее верных мушкетёров, рычание байков стало намного ближе.

– На данный момент порвать с прошлым я не могу, но не хотел бы терять с тобой связь. Мы можем встречаться в мои визиты в Москву. Пока без обязательств и прочих условий.

Ситуация накалялась с каждой секундой. Я не понимал, что меня сдерживает, ведь одна ночь с этой бестией не стоит того, чтобы перечеркнуть все, что было ранее. Но оторваться от нее было так же, как вырвать самому себе сердце. Именно оно колотилось так, что ребра трещали. Щемило в груди, требуя не лишать его тех умопомрачительных ощущений безграничного счастья. Щекочущих кожу и покрывая ее мурашками, как на апельсиновой корке.

От острых коготков, впившихся в шею, ни хрена желание не угасало. Только острее и жестче. Сгрести хочется в лапы кошку дикую и зажать у первого дерева.

– Убирайся восвояси, Лохматая гора! Пока я тебе хребет не переломала! – знакомый щелчок затвора прозвучал совсем рядом.

Учитывая все то, что я уже видел своими глазами, удивляться появлению пистолета в изящной ладошке не приходится. Но, хоть я и не профайлер, как некоторые, я точно знаю, что заноза моя неожиданная не убийца.

И подтверждение тому полные глаза слез, готовых в любую секунду сорваться вниз по щекам.

– Все кончено, Тимошка! Никаких свободных отношений и совместных проектов! Пошел ты к черту! Никогда больше ко мне не приближайся! – вспыхнули глаза напротив искрами.

Не обращая внимания на давящий в грудь ствол, резко выбрасываю руки и запускаю ладонь в копну шелковистых локонов. Жёстко сжав затылок сероглазой бестии, тяну ей к себе, впечатываюсь в желанные губы. Я не пожалею о нем, даже если это будет последнее, что я сделаю в жизни.

Нет, моя странная и строптивая подельница, ничего еще не кончено.
– Все только начинается, Малышка...

Глава 6 Милена

Ох уж эти ручищи загребушие! Никакой голос разума не спасал от жара, распространяющегося по моей спине вслед за нежными, будто немного ленивыми поглаживаниями.

Вот наконец подобралось точное слово для Тима. Он всё делает с истинно царской кошачьей ленцой. Его походка, движения и речь. Даже в сексе он был нетороплив, словно смаковал и запоминал каждое мгновение. От моих трепетных поцелуев до каждого дюйма смятой постели.

– Все только начинается, Малышка... – коснулось горячее дыхание моего лица, и тут же жадные губы Тима впились в мои.

Как бронепоезд без тормозов, он разомкнул мои упрямо сжатые губы, сильнее прижал к могучей груди. Шершавая борода и напор горячего языка взрывают миллиард гирлянд вокруг. Дрожь молнией проносится до кончиков пальцев, которые непроизвольно подгибаются до ломоты в ступнях.

Поцелуй набирает силу, расцветая с каждой секундой. Россыпь светящихся пятен становится ярче, закручивая нас в воронку торнадо. Отрывая от земли, сметая яд обмана, от которого остается лишь мысль – без чувств таких поцелуев не бывает.

Внезапно Тим дернулся, черные пропасти его глаз стали стеклянными. Его тело обмякло, как тряпичное и повисло на «заботливых» руках Беса, который деловито уложил Гору к моим ногам.

– Ты что творишь, Бес? – чуть ли не заикаясь, поинтересовалась я у самого отбитого из всех моих двоих братьев.

– Я слышал, что ты сказала ему «нет». Что не так? – оквадратил глазищи Макар.

– А про то, что иногда у женщин твердое «нет!» означает «конечно, да!», ты не слышал, – съязвила я, грозно посмотрев на второго братика. Он-то куда смотрел!

– Откуда? – искренне изумился Макар и оскалился на все тридцать два волчьих клыка. – Мне женщины не отказывают. Что стоишь? Начинай, что у тебя там по порядку? На пустыре обнаружено тело молодого мужчины, предположительно в бессознательном состоянии...

– Клоун, – фыркнула я, виновато покосившись на пребывающего в нирване потерпевшего.

Оба моих брата большой эмпатией не страдают, и я отчасти понимаю их стремление меня защитить. Но они оба забывают о том, что и я не ангел. Мало того, что впервые прибывшего в Россию иностранца впутала в историю, вынудила ограбить бар владельца «Айкона», но и к тому же сама поехала к нему. К первому встречному незнакомцу. И до сих пор не понимаю, почему я решилась на этот шаг с ним.

Короче, винить одного лишь Тима за то, что провел ночь с согласной на все девицей, было бы несправедливо.

Метнув взгляд в сторону машины Тима, я поняла, в чем уникальность Германа. Стоя у водительского окна, он так заболтал водителя и охранника Тима, что тот совершенно не обращает внимания на происходящее за его спиной.

– Как ты узнал о невесте? – спросила я и, вздохнув, опустилась на корточки рядом с поверженной Горой.

– Долго рассказывать, – насупился Бес и я, зная, что бесполезно настаивать, перевела взгляд на Мирона.

– Сначала пробили тачку, на которой ты явилась утром. Принадлежит она Цареву Борису Иннокентьевичу, в Москве довольно известный бизнесмен. Этот тип прилетел к нему неделю назад, по делам, видимо. Пока смотрели камеры в аэропорту, чтобы узнать полное имя, Бес его признал. Тот самый мужик, что неделю назад нарисовался в лесу на операции. Мы тогда и упаковать его не успели, как за ним примчал боец из агентства «Гидра». Бес, разумеется,

всю эту нечисть знает. Вот через него и узнали, что зовут типа Тим Норфолк и у него свадьба через две недели.

Пряча заслезившиеся глаза, я опустила взгляд на мирно релаксирующего на земле Норфолка. У него безупречно правильные черты лица. Высокий лоб и скулы, тонкая переносица с небольшой горбинкой, большие глаза, густые черные брови и ресницы. Красивый. Одного взгляда ведь достаточно, чтобы понять, что настолько привлекательный мужчина, скорее всего, ветреный. Но вот его слова... готова поклясться чем угодно, что говорил он сердцем, тем, что не умеет лгать.

Бесу надоело ждать, когда я буду осматривать тело, и он сам полез за бумажником парня, подозреваемого в сокрытии информации о наличии невесты.

– Вот теперь можно пробить всю его подноготную, – удовлетворенно заключил Мирон, разворачивая паспорт.

– Ребят! – громко гаркнул Герман, несясь к нам на скорости света. – Этот мужик внук Царева! Пропавший больше двадцати лет назад! Нам его нераскрытое дело давали в универе! Это бомба просто!

– Ну... тогда нам не его пробивать надо, а места в травме, – безрадостно оповестил всех Мирон, глядя на то, как мы обошлись с внуком очень влиятельного человека.

Ощупав карманы Тима, Бес извлек второй документ на имя Тимура Львовича Царева. Я переводила взгляд с одного паспорта на другой, без всяких связанных с ними мыслей. В голове творился какой-то беспредел, и я впервые не могла сконцентрироваться на деле.

Тимур Львович? Тот самый, чей кабинет я вскрыла и самое главное – старательно избавлялась от любых улик!

Господи, я вообще не представляю, с кем провела самую чудесную ночь в своей жизни. О чем он еще солгал? Кто он на самом деле? Действительно внук Царева или мошенник, решивший сыграть на чувствах старика?

Я не заметила, как начала истерически хохотать, вспоминая ночные похождения. Сквозь слезы обиды и смеха над самой собой. За что была тут же отстранена от дальнейшего досмотра тела. Да и что я там не видела.

Уехав с двумя братьями на базу, я в последний раз обернулась. Герман остался с водителем и помог ему загрузить господина Лжеца на заднее сиденье автомобиля.

«Ну и черт с ним!» – решила я, уткнувшись в широкую спину Беса и тихо роняя слезы на его ветровку.

Говорят, любое увлечение и даже любовь проходят, если не думать о человеке. Но спустя неделю бешеной нагрузки на работе я осознала, что мой интерес к мохнатой горе не только не ослаб, а в разы усилился.

Чем чаще я вспоминала о Тиме, тем больше меня затягивало в это топкое болото страданий.

Целый день забивала себе голову трупам, мотивами, уликами. Но тщетно. Едва падаю в кровать, закрываю глаза, и этот лохматый лжец тут как тут. Манит меня глубиной своих глаз, шепчет снова о том, что и мечтать не мог о такой как я. Фантомные ощущения его прикосновений превращают кожу в один сплошной оголенный нерв.

Он такой... необыкновенный. В ту ночь я словно в сказке очутилась. В безумно сладкой, чувственной неге тонула и не желала спастись.

Сволочь! Довел до греха, пробудив во мне такие желания, о которых и самой себе признаться неловко.

Впервые, наверное, за всю мою жизнь я оказалась на кухне в ранний час, когда мама только приступила к приготовлению завтрака для нашей огромной стаи.

Плюхнувшись на стул, я подперла бесшабашную голову ладонями и, глядя на мамину спину, принялась причитать:

– Был таким внимательным, заботливым, – мама от испуга едва не выронила упаковку яиц, никак не ожидая появления членов семьи в такую рань. – И еще этот его орехово-карий глаз...

– И тебе доброе утро, доченька! Кошмар приснился? А я тебя предупреждала! Целыми днями возишься то с трупами, то с их фотографиями! Б-р-р, ужас! Аппетит даже пропал! – скривилась мама, отодвигая от себя большую чашку ароматного кофе.

Не могу сказать, что работа у меня из приятных. Но еще на втором курсе, впервые попав в морг, решила, что судмедэксперт порой единственный человек, способный разобраться в причинах смерти и помочь системе правосудия наказать убийцу. И этой причины для меня оказалось достаточно.

– Бояться надо живых, а не мертвых, – вздохнула я, с удовольствием подтягивая к себе вкусный мамин кофе.

Мамочка лишь закатила глаза, поправила на своей рыжей копне повязку и уселась напротив.

– Что за глаз? Орехово-наглый?

– Ничего не наглый! – не успела я прикусить язык, принявшись заступаться за того, кто этого не стоит. – Он такой... самый необыкновенный, понимаешь? Но у него... есть другая жизнь, другая женщина и вообще я слишком неудачно начала знакомство. Я пыталась притвориться скромной и милой, но волчица в овечьей шкуре долго не продержалась...

И тут меня было уже не остановить. То ли у мамы особый дар уметь выслушать, то ли во мне уже перестали помещаться страдания и их надо было вылить в мамину надежную жилетку. От неё у меня практически никогда не было секретов, только если это касалось проказников братьев или младшей сестренки Викуси.

– В тот вечер я, разумеется, была на взводе из-за того, что папа против моего бизнеса! Мне хотелось что-то натворить... перейти грань. Но я оказалась не готова к появлению Тима. И еще больше к тому, что он не сбежал, поджав хвост, от Макара и Мирона, как все предыдущие ухажеры. Упрямо пытался со мной поговорить, не собираясь отступать.

– Да-а-а, действительно парень... со странностями, – протянула мама. – Ладно про невесту не сказал, это как раз понятно, кобель обыкновенный. Но то, что после всех ваших приключений не сбежал от тебя за тысячу верст, это уже интересно. Могу сказать только одно – ради девушки на одну ночь мужчины головой не рискуют. Может, у него с невестой не все так гладко? Ну, разные ситуации бывают. Брак по расчету, например. Возможно, для него тоже... ваша ночь волшебной показалась.

Все-таки надо маме завязывать с сериалами.

– Доброе утро, Малинка, – проурчал в дверях папа и, сделав пару шагов в её сторону, удивленно округлил глаза, заметив и меня. – О чем болтаете?

– Ох и нюх у твоего Борзого! – прошептала я маме тихо и ответила папе: – О моем новом бизнесе! Я скоро уйду из агентства! У меня уже и помещение есть, и инвестор!

С вызовом посмотрев папе в глаза, задрала я нос.

– Да? А он в курсе, чем твой бизнес по разведению породистых котиков обернулся? – чмокнув меня в задранный нос, спросил папа.

– Мне было четырнадцать! – возмутилась я.

– А котиков и кошек в доме спустя год было двадцать! Котята и вовсе исчислению уже не поддавались!

– По твоему мнению, мне либо до конца жизни возиться с трупами, либо искать богатого мужа? – поинтересовалась я у папы.

И если при упоминании трупов всегда напрягается мама, то для папы подобным триггером было слово «муж» из моих уст.

Тут же могучая фигура моего папы загромоздила весь солнечный свет, падавший из окна, и фирменный прищур принялся сканировать мое лицо.

– Если твой англичанин ещё раз нарисуетя, я ему лично второй фонарь поставлю! – грозно рыкнул папа.

– Освещением в городе занимаются специально обученные люди! И эта евро-лампочка тебе дорого обойдется, он внук самого «Царя»! – фыркнула я.

– Ничего! У меня дочь бизнесом с горшка занимается! Еще со времен кукольных нарядов из мамино свадебного платья!

Мамино платье мне до сих пор безумно жаль, но степень упрямства в моей крови удвоена создателями. Угроза того, что наш спор снова перерастет в ссору, после которой я вновь буду околачиваться по злачным местам, достиг критической точки.

– Вот-вот! Во мне с горшка эта жилка... развивается! А мои успехи в криминалистике целиком и полностью твоя вина! Так что в этот раз я обойдусь без твоей помощи, воспользуюсь щедрым предложением инвестора!

Взъерошив волосы, папа метнул на меня взгляд, которым можно асфальт укладывать.

– Я твоего инвестора так привлеку...

– Нет необходимости! Он и так привлекательный! – вскочила я со стула, решив хотя бы делать вид, что помогаю маме с завтраком.

Схватив упаковку яиц, принялась их колоть в миску. Папа решил не отставать и тоже накидывал в миску продукты. Судя по ним – мы оба не планировали конкретные блюда. По этой причине в миску летело все, до чего мы дотягивались.

– Так, стоп! А не тот ли это инвестор, с которым ты всю ночь куролесила, м-м-м? – зазвенел голос папы сталью.

Тьфу ты! Завралась так, что еще хуже сделала! Не язык, а помело!

– Нет! Это другой... совершенно посторонний человек! – разумеется, не создалась я.

Тима я вряд ли когда-либо еще увижу, так что почти правду сказала.

– Не лги мне, Милена! – рыкнул папа, своим волчьим чутьем распознав ложь. – Я из этого... постороннего! Потустороннего сделаю!

– Так, хватит! Милая, сделай из этого месива блины или оладьи, а мне с папой нужно поговорить! – вмешалась мама, пока миску не пришлось менять на тазик побольше.

Родители удалились, а я со злостью схватила миксер, но не успела толком измельчить и перемешать, как зазвонил мой мобильный.

Номер отобразился явно забугорный, поэтому догадаться, кому не спится под дождливым небом Лондона, было несложно. Обида на Тима приправилась очередной ссорой с папой, и в том же «приподнятом» настроении я рывкнула в трубку:

– Чего тебе?

– Милена? Доброе утро, Малышка.

Ответить я ничего не могу. Вот уехал и уехал! Я бы, может, и забыла через пару недель! Всё бы забыла! А сейчас, едва голос его услышала, и в груди все защемило. Одновременно от радости и боли.

– Чем ты занимаешься? Еще в постели? – не дождавшись ответа, спросил Тим.

После нескольких глубоких вдохов удается взять себя в руки.

– Не твое дело, – отвечаю немного резче, чем необходимо для демонстрации безразличия.

Злясь на себя, что не нахожу сил бросить трубку, врубаю миксер на полную мощность.

– Что, черт возьми, это за звук? Ты можешь это выключить? – требует нахал.

– Это вибратор! Углубляю, так сказать, полученные у тебя знания! – незамедлительно просыпается во мне стерва. Чудесное утречко!

На мгновение воцаряется ошеломленная тишина. На моих губах играет откровенно издевательская ухмылка только от мысли, в каком шоке он сейчас сидит.

– Ты... ты... о, черт! – слышу приглушенную брань из динамика.

Фантазия рисует мне, как его член становится твердым в штанах, и это заводит меня саму не на шутку.

– Леди Милена! Нельзя же так шутить! У меня сейчас... сердце выпрыгнет! – ворчит Тим.

Фоном слышу его тяжелый шаг, хлопок двери и шелест побежавшей из крана воды. Жарко стало в Лондоне сыром?

– М-м-м, – намеренно издаю стон, для пущей правдоподобности сунув себе намазанный вареньем палец в рот. – Какие шутки, Тиму-ур-р-р? Ты сам это начал, теперь у меня есть потребности в разврате.

Жгучее желание сделать ему больно только усиливалось. Солгал, уехал и наглость имеет звонить? Чем не повод выкрутить ему жилы, тем более что это оказалось проще простого.

– Сейчас же медленно опусти вибратор на пол, леди Милена! В следующий раз я оттрахаю тебя так, чтобы ты еще неделю чувствовала меня внутри! – гремит голос из динамика, от глубины и насыщенности которого волосы на затылке зашевелились.

– Отставить разговоры! В моем воображении твой рот сейчас слишком занят для этого! Хочу, чтобы ты целовал мои бедра, царапал их своей щетиной, – как можно слаще мурчу я в трубку. – Еще я купила в секс-шопе прищепки и...

– Откуда у тебя такие познания, Сладкая? – вкрадчиво интересуется Тим, понижая голос.

– О, в игрушках я профи! Мои подопечные маньяки такие фантазеры! – хмыкаю в ответ.

Если в практике я еще сопля зеленая, то в теории фору дам даже извращенцу Аристову, у которого «пыточная» для сексуальных утех оборудована на зависть всяким Гречам. Последний маньячелло «порадовал» целым контейнером таких улик.

– Имей в виду, Малышка, все, что ты назовешь, будет использовано против тебя, – с тяжелым дыханием угрожает Тим. – Будь я рядом, ты бы уже лежала на столе с отшлепанной задницей! Хочешь кончить, Малышка?

Произнесенная на выдохе последняя фраза моментально воспламеняется в голове и стремительно несется по венам, обжигая всё внутри.

Игра «накажи Тимми» внезапно становится взрывоопасной и для меня тоже.

– Чувствуешь, как я покусываю мочку твоего уха, медленно спускаюсь к шее, кончиком языка пробуя вкус твоей кожи? Сжимаю в ладонях твои бедра и отодвигаю трусики в сторону?

Вашу мамашу! Низ живота полыхнул огнем, словно в нем чан с кипятком расплескали. Бедра инстинктивно сжались, пальца ног скрутило, и теперь уже мое сердце стучит в ушах.

Перед глазами только гора мускул, прижимающаяся к моему раскаленному телу, и я практически ощущаю его аромат.

Время и место совершенно неподходящее для подобной игры. И практически окольцованный самец на том конце провода тем более не лучшая кандидатура. И только эта мысль слегка отрезвляет.

– Не останавливайся, – тихо охая, прошу я, сползая на прохладный пол у шкафа.

Все что мне остается – пытаться не сгореть заживо от его пошлых фраз и наблюдать за дверью, чтобы не быть застигнутой врасплох.

– Черт, Милена, ты не представляешь, что ты со мной делаешь! Моим членом сейчас можно гвозди забивать! Я чертовски твердый, Малышка.

– Сделай это со мной, слышала, сегодня у вас очень сексуальная погода, – прошу я и прикусываю нижнюю губу от пожирающего изнутри желания.

– Как это?

– Влажность девяносто пять процентов. Я такая мокрая, Тим-му-ур, – снова намеренно издаю тихий стон, но едва ли я сейчас лгу.

Ставлю на кон всё что есть – я бы непременно получила оргазм только от сексуального звучания его голоса.

– Леди Милена... о, черт! – издает утробный рык Тим и я слышу звук расстегиваемой молнии.

Победная ухмылка появляется лишь на долю секунды, смятенная представленной картинкой, где Тим сжимает в руке свой член. Уверена, даже посреди Сахары в полдень мне было бы намного прохладнее.

– Я накажу тебя за эту выходку, Малышка! Приеду, задеру твою юбку на задницу, перегнув через стол, и отшлепаю! В клочья разорву твою одежду и оставлю на тебе лишь твои гребанные каблуки! – свирепо рычал Тим, превращая мой мозг в желе, а тело в один оголенный нерв, требующий прижаться к его твердому телу и почувствовать жар каждым миллиметром кожи.

– Ещё. Еще, Тим-м-у-ур-р, хочу ещё!

– Я заставлю тебя саму насаживаться на мой член, Милена, и умолять трахнуть тебя! А потом вытрахаю из тебя всю твою дерзость, пока ты не подчинишься мне полностью. Пока не почувствую, как жадно ты сжимаешь мой член, когда кончаешь.

Удваиваю ставку. Еще немного его грязной болтовни, и оргазм размажет меня по кухонной мебели.

– О боже! – выдыхаю в трубку, понятия не имея, сколько я смогу этого всего вынести. – Я уже...

– Я тоже близко, Малышка... – напряженно звучит голос Тима, посылающий очередную дрожь по телу.

Это было бы прекрасное утро, если бы в мозгу не сидел яд по имени Холли, поэтому я решила заканчивать.

– Ты чертовски сексуален, Тимми! Будь я рядом, то непременно бы захотела прикоснуться к стволу, обвести языком по окружности... – зашептала я томно, представляя, как этот гад сейчас дронит и думает обо мне.

– Продолжай, прошу! Я уже почти, – произносит Тим со стоном.

– Спасибо за оргазм, мне пора! Пока! – сбрасываю вызов и пулей несусь в ванну.

Тим перезванивает несколько раз, но я не беру трубку, победно улыбаясь. Однажды он поймет, что я не дерзкая – я Борзая.

Многие люди ищут отвлечения от жизненных неурядиц в работе. Я тоже не стала исключением, решив с головой окунуться в разгадку очередного преступления. Благо работа в агентстве всегда насыщена событиями, новыми клиентами с их запутанными делами и, как в любом мужском коллективе, приколами разного уровня.

К чуду по имени Герман Дубов все уже начали потихоньку привыкать, и только папа просил накапать ему коньяк при каждом косяке бойца, коими он удивлял нас ежедневно.

Вот и сегодня, не успели мы припарковать своих железных коней, как наше внимание привлек человек на площадке для отработки силовых операций. Площадь была оснащена разными сооружениями, естественными местами укрытий и прочими приближенными к реальности объектами, наподобие мусорных баков. Вот за ним и схоронился отважный «коммандос» с перемазанным спецкраской лицом и болтающейся на голом скелете камуфлированной форменной одежде.

Этот Рэмбо тепличный в одиночку спешил на помощь пластмассовым манекенам, которые в качестве заложников находились в одном из хранилищ.

– Напомни мне, на кой ляд мы его взяли? – с тоской глядя на то, как неуклюже гремит костями Герман, спросил отец у Мирона.

– Несмотря на свою физическую беспомощность, Герман один из самых неординарных оперуполномоченных, подходящих к любому делу с выдумкой, – спокойно ответил Мирон на вопрос, который слышит почти каждый день и не только от папы. – С его помощью было поймано и осуждено немало рецидивистов.

Тем временем наш безрассудный смельчак уже ворвался в стан врага с диким воплем, чем, видимо, их и обезвредил, так как сопротивления ему никто из манекенов оказывать не стал.

– За неординарные методы и поперли из органов наш шланг правосудия? – предположил папа.

Мирону оставалось только кивнуть с тяжелым вздохом.

К началу утреннего сбора сотрудников бравый солдат уже суетился у кофемашины, ожидая своего личного наставника – Макара, коим неприкрыто восхищался.

– За полгода в районе Преображенское исчезли четыре девушки, – начал вещать папа, вводя оперативно-розыскной состав в курс дела.

Вопросов типа: «А почему мы ими должны заниматься, а не соответствующие структуры?» здесь давно не задают. Если дело у нас, то тут два варианта. Либо родственники одной из жертв обратились к нам напрямую, либо следствие зашло в тупик и к папе обратились его старые друзья из ведомств.

– Кроме района проживания, жертв объединяет примерно один возраст – двадцать-двадцать пять лет – и огненно-рыжий цвет волос.

– Новый серийник! Хладнокровный хищник, который охотится за рыжими, – тут же озвучил громко Герман, то о чем и без его комментария все уже догадались.

Пока папа испепелял взглядом умника, я разглядывала фотографии девушек на доске. Если мне перекраситься снова в свой данный природой цвет волос, то я буду как раз во вкусе этого маньяка.

– Блядь! Откуда перегаром несет! – тихо возмущаясь, прошипел кто-то из ребят.

– Не волнуйся, это со мной, – тут же успокоил его охрипший голос Беса, который по своему обыкновению материализовался в помещении незаметно и беззвучно.

Опершись на подоконник рядом со мной, Макар с помятой физиономией страдал от обезвоживания и интереса к делу не проявлял.

– Милен, по поводу Царева поговорить надо, – облапив мою макушку и развернув лицом к себе, сообщил мне братец.

– Ты что, всю ночь пил? – сморщила я нос, так как сегодняшний спутник Беса был слишком осязаем.

– Исключительно в оперативных целях, – заверил меня Макар и выудил из кармана небольшой сверток. – Тимур мутный тип, смотри, что я у него в кармане нашел.

Развернув бумагу, я извлекла на свет произведение ювелирного искусства – натальный крестик явно имел не только материальную, но и художественную ценность. Настолько филигранно и талантливо были превращены дорогостоящие материалы в изделие.

– Бес! Зачем ты его украл? Это ведь очень личная и важная вещь для верующих людей! – пришла я в ужас от того, насколько мой братец циничный нахал.

– Да ладно, вернешь ему сама при следующей встрече. Тим здоровенный кабан, что ему будет? Пропетляет как-нибудь и без божьей помощи! – саркастично хмыкнул Бес.

Глава 7. Тимур

Весь перелет домой я провел в попытках убедить себя, что забуду своё маленькое блондинистое приключение через пару дней. Хотя я и не из тех парней, что коллекционируют девиц на одну ночь вагонами, но и в моей жизни случались столь мимолетные связи.

Однако в глубине души я знал, что забыть будет непросто. События, окрашенные яркими эмоциями, глубоко запали мне в самое сердце. Не только волшебная ночь, каждая секунда которой была нереальной, как в самых сокровенных мечтах, но и та первая встреча. О ней Милена и не помнит, а я теперь не могу выбросить из головы картинку, где две зубные щетки стоят в одном стаканчике.

После того, как меня в очередной раз приложили по голове, звонить или как-либо еще искать встречи с необычной девушкой и её окружением я не планировал. Но, события, происходящие всю неделю после моего возвращения, словно нарочно подталкивали меня свершить звонок.

Первым делом я, разумеется, приехал в больницу к Синди и Биллу. К моменту моего появления они оба уже были в сознании. Билл чувствовал себя неплохо, а вот моя приемная мать жаловалась на сильную боль.

– Мои ноги будто пронзают тысячи игл, руки немеют. Я чувствую ужасную слабость в мышцах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.